

Тевтонский крест

Руслан Мельников

Крестовый дранг

«Автор»

Мельников Р. В.

Крестовый драг / Р. В. Мельников — «Автор», — (Тевтонский крест)

Продолжение книг «Тевтонский крест» и «Тайный рыцарь». В Тевтонском ордене новый расклад сил. Братство Ливонского Дома вступило в сговор с могущественным союзником из будущего. Цайткоманда СС провозглашает крестовый поход на Русь. А бывший омовец Василий Бурцев безуспешно ищет пропавшую супругу. Надежды уже нет. Почти... Судьбу малопольской княжны Агделаиды Краковской еще можно узнать на Чудском озере. Правда, сражаться там придется не только с рыцарской конницей. В бой против дружинников, союзников и ополченцев Александра Невского брошены эсэсовские автоматчики при поддержке «Мессершмитта» и танков... Книга публикуется в новой, авторской редакции.

© Мельников Р. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	46
Глава 15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Руслан Мельников

Книга третья "Крестовый драг"

(обновленная авторская редакция)

Пролог

Они появились там, где их никто не ждал. Появились так, как не появляются люди из плоти и крови.

Посреди подвального этажа древней башни-донжона – в необычайно длинном и широком для замковых подземелий коридоре, что вел к запертой сокровищнице, вдруг, из ниоткуда возникло призрачное свечение цвета разбавленной крови. Сияющий круг проступил на грубо сбитом столе, за которым коротала время ночная стража. И тяжеленный стол дрогнул. Затрещали, ломаясь, дубовые доски. Посыпались на пол опустевшие кружки, нехитрая снедь и игральные кости.

Два воина охраняли здесь разбойную добычу своего господина. Приставлены они были, скорее, для порядка – ни один обитатель замка не посмел бы покуситься на спрятанное хозяйское добро. Но вооружение стражей все же позволяло взять с незваных гостей дорогую цену за проход по просторному коридору.

Один – в изрубленной кольчуге явно с чужого плеча, в клепанном шлеме с сорванной бармицей и с коротким мечом на поясе – попытался выхватить из-под стола маленький круглый щит. Поздно... Щит был уже вне досягаемости. Сломанные доски погребли щит под собой, а незримая сила раздавила его как яичную скорлупу. Щит хрустнул, пошел трещинами, развалился на куски.

Другой стражник – в кожаном панцире, обшитом металлическими бляхами, и в железном колпаке, держал заряженный арбалет. У бедра воина висел колчан с дюжиной коротких толстых стрел. Опрокидывая лавки и испуганно крестясь, оба пятились к выходу.

А свечение становилось ярче. Кровавый цвет – гуще, насыщеннее. Круг ширился, увеличивался в размерах, подминал под себя остатки стола. Лишь коснувшись старинной кладки стен, сияющая окружность прекратила пожирать пространство. Затрепетал и погас, словно сдутый выдохом великана, факельный огонь на стенах. Но темно не стало: холодный колдовской свет забытой магии бушевал все неистовей. Казалось, уже сам воздух пылает темно-багровым пламенем, а внутри кровавых всполохов...

Человеческая фигура, возникшая внутри, шевельнулась, шагнула к границам магического круга. За ней шла вторая, третья, четвертая...

– Сгиньте! – бледные губы мечника дрожали, рука потянула заточенную сталь.

Звякнула тетива: арбалетчик, не выдержав, пустил стрелу.

Оперенный болт вошел в материализующийся за кроваво-красной пеленой контур. Призрак пошатнулся, медленно осел. Так и не обретя четкости очертаний, замер на каменных плитах пола. Но за ним стояли уже две новые фигуры...

Мечник вырвал, наконец, клинок из ножен.

Арбалетчик, взвизгнув от ужаса, бросил оружие выскочил из подвала. Стрелку повезло больше: ему удалось пережить товарища. Впрочем, ненадолго.

Подземелье содрогнулось от грохота. Страж, оставшийся на посту, рухнул замертво.

* * *

...Беглец неся вверх по широкой винтовой лестнице, перепрыгивал через две-три ступеньки зараз.

– Демоны! Демоны в подвале!

Его крик – крик человека, находящегося на грани помешательства, смертельно раненой птицей заметался по древней башне. Но внутренние боевые площадки сейчас пустовали, а верхнюю – смотровую, где неусыпно дежурил ночной караул, от любого шума снизу ограждали многочисленные лестничные изгибы и тяжелая крышка люка. Люк был закрыт. Караул, высматривающий опасность извне, не слышал, что происходит внутри. Зато бегущий арбалетчик слышал все прекрасно. И громовые раскаты, и донесшийся из подвала топот.

Ударом ноги он распахнул маленькую дверцу в пустующей трапезной.

– Демоны!

И запер ее на засов. Какая-никакая, а преграда...

– Демоны!

Темное безлюдное пространство с непроглядной дырой огромного камина отозвалось безучастным эхом. После отъезда союзников, здесь, как и в донжоне, никто не жил. Только трапезничали. А глухая ночь – не время для трапез.

Несчастный беглец пронесся мимо столов и лавок, навалился на скрипучие ворота. И, вконец обезумев, завыл в чуткую морозную ночь. В круглое плоское лицо бесстрастной луны. Полной луны. Багровой луны.

– Де-мо-ны!

И его, наконец, услышали. Наверху, на смотровой площадке донжона, ударил сигнальный гонг.

– Тревога! Тревога! – засуетилась охрана внешних стен.

Топот, бряцанье железа... Люди выбегали на холод, на ходу хватая оружие и кое-как облачаясь в доспехи. Никто еще не понимал, что происходит, но каждый твердо знал, где его место и что ему следует делать в случае внезапного штурма.

Только один человек в замке позабыл обо всем на свете. Единственным его желанием было выбраться за стены и бежать... бежать без оглядки. Бежать по белому полю и дальше – сквозь заснеженный лес под глумливым ликом пухлощекого небесного наблюдателя с дымчатой багровой кожей.

Сбежать ему не дали. Рука в латной перчатке вцепилась в плечо.

– Стоять!

Рука развернула, крутанула, встряхнула так, что клацнули зубы.

Заиндевелые усы грозно встопорщились над бледным, сжавшимся в комок арбалетчиком. Пан Освальд Добжиньский хмуро смотрел на паникера, покинувшего пост. Сверху вниз смотрел. И взгляд этот казался более страшным, чем только что пережитый ужас.

– В чем дело? Что случилось? Говори!

Из доспехов на добжиньце были только перчатки и кольчуга. Из оружия – меч. Сверху наброшен теплый жупан и плащ на меху. На голове – меховая же шапка. На ногах – шерстяные штаны-шоссы и теплые зимние сапоги. Сзади перепуганный отрок держал в поводу оседланного коня господина. Рядом стояли два оруженосца, временно заменявшие Збыслава. У одного – ведрообразный шлем и треугольный щит с изображением серебристой башенки на синем фоне, у другого – поножи и шпоры.

– Де-де-де-мо-о-о...

Первая оплеуха сбила с несчастного стражника железный шишак. Вторая привела в чувство. Третья заставила говорить. Заикаясь и вздрагивая, он торопливо поведал о кошмаре, свидетелем которого стал. А потом грянули выстрелы. Сигнальный гонг стих.

И снова стрельба...

Автоматные очереди били из трапезной. Били из бойниц донжона. Били с верхней смотровой площадки...

Все! Главная башня замка была захвачена неведомым врагом. Захвачена вся – от основания и до каменных зубцов, царапающих полнолунную ночь. А это – почти поражение. Конечно, если бы были люди, готовые идти на штурм и отбить донжон, но... Но люди гибли, люди метались в панике, люди кричали, умирая. Хорошо простреливаемый внутренний двор замка превратился в смертельную ловушку. Кто-то, не дожидаясь приказа, уже отворял тесные ворота в частоколе, поставленном на месте разрушенной надвратной башни.

Стрельба не смолкала.

* * *

Отрок, державший повод горячего жеребца, пронзительно вскрикнул. На плече паренька расплывалось кровавое пятно. Освальд побледнел: невидимая стрела! Добжинец помнил это оружие – год назад сам от такого чуть не принял смерть.

Рослый боевой конь вырвался из рук раненого парнишки. Понесся прочь. Ударил грудью в медлительные створки ворот, распахнул, пролетел по бревенчатым мосткам переброшенным через ров. Рванул через заснеженную пустошь к угрюмому лесу.

А из трапезной уже выходили... Они.

Странная одежда с диковинными нашивками. Странные шлемы с маленькими рожками. И страшное оружие с незримыми стрелами... Сколько их там? Один... Два... пять... десять... пятнадцать... Больше. Пусть и ненамного больше, но как сдюжить с таким врагом?

– К воротам! – проревел добжинец. – Все к воротам!

Там, за горами камней и временным частоколом, еще можно попытаться удержать оборону. Или хотя бы прийти в себя. Обдумать случившееся. Принять верное решение... А уж если не останется времени думать – тогда отступить. Тогда бежать к лесу... Читая молитвы и взывая к Господу, чтобы не быть заживо утянутым в ад.

До ворот добрались немногие. Драться не был способен никто. И все же Освальд попытался дать отпор.

– Щитоносцы – вперед! Арбалетчики и лучники – во вторую линию!

Сам он вышел в первую. И уцелел лишь чудом: верные оруженосцы прикрыли благородного шляхтича от автоматной очереди собственными телами. Одного – падающего навзничь – он успел придержать, оттащить за камни. Но для того лишь, чтобы увидеть в стекленеющих глазах ужас, изумление и боль. И с ног до головы измазаться в крови, хлеставшей из перебитого горла.

Потом труп слуги сполз к ногам господина.

Им даже не дали как следует построиться. Проклятые самострелы без устали выхаркивали в ночь гром, огонь и невидимые стрелы и валили с ног любого, кто поднимался над укрытием. Раненые и умирающие молили о пощаде, но пощады не было. Вражеские воины наступали быстро, умело. В считанные минуты неведомые пришельцы заняли замковый двор и теперь уже по внешним стенам заходили в тыл. Больше ждать не имело смысла. Взгужевежа пала. Снова!

Паника, крики, давка, топот, толкотня, запах крови. Освальда увлекли к мосткам, переброшенным через ров. Но и там спасения не было.

Мелькнула в воздухе железная болванка, ударила о звонкое промерзшее дерево, покати-лась по настилу.

Взрыв... Бревна под ногами вздрогнули, разъехались, подломились. Взвизгнули осколки. Последние защитники замка посыпались, покатались в ров. А со стен уже летела вторая гра-ната. И третья. Еще два взрыва... Да пара автоматных очередей. Больше не потребовалось.

* * *

Оглушенный, придавленный чужими телами, замотанный при падении в собственный широкий плащ, словно в саван, Освальд Добжинский лежал неподвижно. Как в ров свысока заглядывала любопытная луна, он не видел. Не слышал, как ножами, штыками и прикладами – чтобы не тратить понапрасну патроны – новые хозяева замка добивали раненых. Не чувство-вал, как сверху в ров падали трупы из замка.

Освальда сочли убитым. Чужих воинов ввела в заблуждение кровь оруженосца, обильно перепачкавшая доспехи и одежду рыцаря. Лишь когда лунный диск поблек, а небо на востоке посветлело, веки шляхтича дрогнули.

Холод и невероятная тяжесть... От холода ныли кости и зудела кожа. Казалось, не было на нем сейчас ни жупана, ни шапки, ни отделанного мехом плаща, ни теплых штанов и сапог, ни плотного стеганного поддоспешника. А от наваленных сверху стылых трупов было трудно, почти невозможно дышать. И все же он заставил себя... Сначала просто сжать и разжать око-ченевшие пальцы. Впрочем, сейчас это оказалось совсем не просто. Сейчас это было самым трудным. Зато дальше пошло легче.

Освальд шевельнул плечами. Чье-то тело в одеревеневшей от замершей крови рубахе чуть соскользнуло в сторону. Другое, в задубевшем кожаном панцире, нависло над ним нена-дежным пещерным сводом. Освальд протиснулся дальше, еще дальше, еще... Замерзшие руки и ноги начинали повиноваться: обморозить конечности он не успел.

В обледеневшей куче покойников пришлось извиваться ужом. Освальд оставил мертве-цам плащ, теплый жупан, перевязь с мечом и шапку. Но когда рыцарь выбрался, наконец, из братской могилы, холодно ему не было. Было жарко.

Он с жадностью ел и глотал снег. И долго-долго не мог отдышаться. Потом тупо смотрел на чье-то обезображенное лицо у своих ног. Добжинец не сразу узнал беднягу, что поднял тревогу: стражнику из подвальной сокровищницы незримые стрелы разворотили полчерепа. А узнав, выплюнул снег, поднялся на ноги. Огляделся.

По дну рва уже тянулась протоптаная тропинка. К стежке с обоих склонов спускались вырубленные в снегу и мерзлой земле ступеньки. Вокруг вповалку лежали трупы. Из сугро-бов торчали руки, ноги, копейные древка, рукояти секир, острия мечей, оперения и наконеч-ники разбросанных стрел... Странно. Победители даже не позаботились забрать у побежден-ных трофеи. Мертвецов бросали в ров как есть: в доспехах и с оружием. Да и то ведь верно: зачем нужен меч или арбалет тому, кто владеет громоподобным самострелом, снаряженным невидимыми стрелами?

Чужие голоса заставили его затаить дыхание. Разговаривали наверху, где-то совсем рядом. Стараясь не шуметь, Освальд пополз на звук по утоптанному снегу. Взобрался по сту-пенькам на кручу. Осторожно выглянул изо рва...

Над распахнутыми воротами Взгужевежи реял незнакомый стяг. Черный крест с изло-манными краями в белом круге. Под полотнищем чужого штандарта стояли четверо.

Двое – в касках, от которых, пожалуй, не так уж много будет проку в рукопашной схватке на мечах или копьях и в странных длиннополых одеждах, что, возможно, и спасают от холода, но не от вражеской стали. Сбоку у каждого висели короткие кинжалы. За спинами – плоские

короба, вроде тех, что таскают на плечах деревенские девки, когда ходят по грибы-ягоды. В руках эта пара держала свои громометы.

Двое других носили еще более непрактичные наряды. По крайней мере, предназначение плоских шапок, похожих на толстые черствые блины или на береты с козырьками, Освальд постичь не смог. Не шлемы – это точно! Из оружия у этих, с лепешками на головах, были только кинжалы. А в небольших футлярчиках на широких поясах вряд ли могло храниться что-либо пригодное для драки. Скорее всего, к поясам пристегнуты диковинные кошелки.

«Благородные рыцари и оруженосцы», – догадался добжинец. Освальд прислушался. Речь звучала немецкая, но какая-то чудная, непривычная. Непонятные слова, необъяснимая чужеродность... На подобном языке разговаривал безумец, называвший себя «послом ненаступивших времен» – тот самый, с которым год назад беседовал в пыточной Конрад Тюрингский. Тот самый, что чуть не всадил в Освальда с полдюжины невидимых пуль. Добжиньца передернуло от неприятных воспоминаний.

* * *

– Надеюсь, никто не ушел, оберфюрер? – голос одного из рыцарей прозвучал сухо и требовательно. Так может говорить синьор с вассалом.

– Никак нет, господин штандартенфюрер, – улыбнулся его собеседник. – Только лошадь.

– Лошадь?

– Без всадника.

Шутка не вызвала ожидаемой реакции.

– Плохо, Фишер. Был приказ не выпускать никого.

Улыбка моментально исчезла с лица «вассала». Рыцарь напрягся, вытянулся в струнку. Тягостное молчание длилось несколько секунд. Смущенные оруженосцы растерянно переменились с ноги на ногу. Наконец тот, кого называли штандартенфюрером, смилостивился и заговорил снова:

– Я выезжаю через два часа. Контрольные проверки связи, обмен оперативной информацией и возможные консультации – ежедневно, по графику. Когда поставлю «якорь» в Дерпте – выйду в эфир вне графика. Может быть, совершу пробную телепортационную переброску и появлюсь здесь лично – пусть это не будет для вас неожиданностью. Так же – вне графика – свяжусь с вами из Наревской платц-башни или из ее окрестностей. Потом – из Кульма.

Рыцарь-вассал кивал.

– Не забывайте, оберфюрер, первые транзитные десанты а также все вспомогательные расчеты должны находиться в полной боевой готовности начиная с завтрашнего дня. Резервный взвод поддержки – тоже. Особое внимание уделите группе захвата папского легата. Я укажу позиции, которые ей надлежит занять за неделю, возможно, за две до начала кульмского турнира. Постарайтесь, чтобы с переправкой этой группы в Кульм проблем не возникло. Успех кульмской операции и союз с ливонцами – вот что самое главное. Для нас это сейчас даже важнее создания дерптского ударного плацдарма.

Еще одна непродолжительная пауза...

– Если контрольные сеансы связи прекратятся более чем на трое суток, принимайте командование на себя, оберфюрер. Но до тех пор вы остаетесь комендантом Взгужевежи и во всем подчиняетесь мне.

Короткий кивок. Стиснутые зубы. Отведенный в сторону взгляд. Освальд усмехнулся: этот вассал не казался ему образцом верности. Может и предать – только дай повод. Правда, повод должен быть очень весомым: понапрасну такие люди не рискуют. Но зато уж если...

– С этого момента, – продолжал сюзерен, – и до тех пор, пока я не отдам иного приказа, вы обязаны уничтожать любого, кто приблизится к замку. Вместе с лошадьми, волами, коровами, собаками и кошками. Все ясно?

– Так точно, – сглотнул слюну рыцарь-вассал.

– Еще раз проверьте крепость. Кроме солдат и офицеров цайткоманды здесь не должно быть ни одной живой души. Потом займете круговую оборону и расположите гарнизон в замке. Сразу после моего отъезда займетесь поиском и расчисткой нижнего яруса подземелий. О ходе работ будете докладывать во время сеансов радиосвязи. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер!

Два почти синхронных взмаха вытянутых рук – и рыцарь-вассал скрылся в воротах. Его собеседник повернулся к оруженосцам.

– Фриц, мы скоро выступаем. Через час все должно быть готово.

Один из оруженосцев – тот, что повыше и пожилистее – бегом бросился в замок.

– А ты, Рихтер осмотри ров и наметь поле работы для саперов. Когда закончите минировать подступы к замку, заложите взрывчатку, и засыпте, наконец, эту польскую шваль, – рыцарь брезгливо кивнул в сторону рва. – К нашему отъезду падали здесь быть не должно.

* * *

Тот, кого назвали Рихтером, обернулся на хруст снега за спиной слишком поздно. Освальд напал стремительно и яростно.левой рукой зажал противнику рот. Правой – на ощупь – вырвал вражеский кинжал из ножен. Ударил под приподнятый заспинный короб – под лопатку.

Клинок в тело вошел легко: доспехов под одеждой не было. А кинжал был хорош... Рихтер дернулся, затих. Он оказался обычным смертным, а вовсе не демоном. Это радовало. И все же Освальд не смог заставить себя прикоснуться к проклятому оружию, снаряженному невидимыми стрелами. А вот кинжал взял. Добрую сталь добжинский рыцарь ценил всегда. Подумав немного, стянул с пальца убитого и массивный серебряный перстень тонкой работы. Странное колечко и страшное: череп, скалящийся из дубовых листьев. Но серебро есть серебро – в дальней дороге пригодится.

Освальд надвинул на глаза чужой шлем со смешными маленькими рожками-пупырышками. Набрал на кольчугу плотную длиннополую верхнюю одежду Рихтера – что-то вроде шубы, только тоньше, легче и удобнее. Спрятал усы за поднятым воротником. Надел заплечный короб – не от жадности – а чтоб прикрыть прореху и кровавое пятно на спине. Потом потратил еще несколько секунд: присыпал убитого снегом. Чем позже его хватятся – тем лучше.

– Ну, теперь оборони, Господь!

Он выбрался с противоположной стороны рва и – не таясь – зашагал через снежный пустырь к лесу. Только так – широко, открыто, по-хозяйски, и можно было сейчас идти. Добжинец держался следов своего жеребца, сбжавшего из крепости. Даже самая норовистая и перепуганная коняга – животное домашняя, не дикий зверь. Покружит со страху по лесу, да и обратит морду в сторону родного стойла.

– Оборони, Господь! – неустанно бормотал сквозь зубы рыцарь-разбойник.

Господь оборонил. Снег за рвом был утоптан, изрыт, потревожен. Вокруг замка копошились и сновали люди в таких же странных, как у Освальда, одеждах. То тут, то там звучали резкие отрывистые команды на немецком. Приказы выполнялись молниеносно – бегом. Каждый занимался своим делом, а потому на одинокого солдата в шинели и каске, посланного зачем-то к лесной окаемке внимания не обращал никто.

Солдат шагнул меж деревьев. Отошел по следу подальше, свистнул негромким, но приметным протяжным посвистом. Слева хрустнула ветка. Скрипнул снежок. Высунулась из кустов настороженная лошадиная морда.

Глава 1

– Скакал далече, путал следы, как заяц, потом сидел в засаде у Куявского княжеского тракта на границе с Мазовией, – рассказывал Освальд. – В коробе за спиной припасы чудные оказались. На вид и не пища вроде – а попробуешь – так и впрок пошло. Тем попервоначалу и питался.

– Сухпай... – задумчиво произнес Бурцев. А что еще могло быть в ранце убитого фашиста?

– Ну, я ж тебе и баю – сидел и ждал, пока вражий пан, который командовал в моем замке, появится. Наши тайные лесные тропки-то ему вряд ли ведомы, так что одна была дорога супостату в Дерптские земли – по трактам. А я уж дюже сильно хотел с ним поквитаться. Не привык я обидчиков своих прощать – сам знаешь.

– Знаю, – кивнул Бурцев.

– В общем, не ошибся я – дождался врага. Только ехал он уже в обличье странствующего рыцаря. В доспехах, с оруженосцем – ну, с тем самым Фрицем, с выючными лошадьми, да с медвежьим гербом на щите. Если б лица у обоих были шеломами закрыты, не узнал бы, наверное – пропустил. А так – нет. Отправился следом. Думал, выберу подходящий момент, да прирежу мерзавцев. Не вышло...

Ехали эти двое опасно. Ночевали все больше по постоялым дворам, куда мне ходу не было, а уж коли в лесу останавливались, так место выбирали такое, что незаметно и не подберешься. И пока один спит – другой обязательно стражу несет. Да не абы как, а с оружием своим в руках, чтоневидимыми стрелами бьет. Самострелы те заколдованные у них и в пути всегда под рукой были – в открытой седельной сумке – чтоб выхватить можно сразу. Куда ж мне супротив такого громомета со своим ножичком-то? В общем, зубами скрипел, облизывался, а сделать ничего не мог. Только шел тайком по следу, пока не наткнулся под Цехановом на мазовецкий разъезд. Насилу ушел, да заплутал в лесах и болотах. Говорил ведь я тебе, Вацлав, – по Мазовии без толкового проводника не пройти.

Долго леший меня водил по глухим местам. Конь пал. Да и сам я занемог, ослабел так, что едва передвигался. Сгинул бы, если б Господь не вывел из мазовских земель к прусскому селению. Пруссы меня подобрали, а узнав, кто такой – выходили, на ноги поставили, в дорогу снарядили и коня нового дали. Мы ведь с ними нынче вроде как союзники. А для пруссов достойно принять и проводить доброго гостя – дело чести.

Указали мне дорогу к ближайшему тракту, да что толку! За то время, пока я в бреду и горячке на прусских шкурах валялся, хорошим ходом до Дерпта и обратно, наверное, можно было добраться. В общем, решил я в Кульм отправиться. Туда ведь и недруг мой тоже собирался. Думал – встретимся, не разминемся. Но едва выбрался из прусской глухомани – опять беда: попал в охотную облаву княжича Земовита – младшего сына Конрада Мазовецкого.

Облава шла по-над трактом, и на открытом месте меня сразу заприметили. Взяли в кольцо, обложили со всех сторон – не вырвешься. Подъехал сам Земовит со свитой – подивиться на мой наряд – кораб, да шубу нездешнюю. Расспросы устраивать начал – кто таков, откуда, да куда путь держу. А тут рыцарь один из свиты княжича меня признал. Обоз я его как-то потрошил, и сам он тогда еле ноги унес. И так взъярился, грудь колесом выпятил, просил у Земовита позволения уморить меня в своих подвалах. Княжич не позволил – сам решил расправу чинить, а заодно и потешиться.

«Езжай, – говорит, – Освальд, разбойничий пан, к тому вон лесочку, а оттуда скачи, что есть мочи, куда пожелаешь. Зверя стоящего нам поднять сегодня не довелось, так ты теперь будешь вместо зверя. Коли уйдешь от погони – спасешься, а нет – уж не обессудь: собаками

затравлю, копыями, да рогатинами исколю». А сам смеется. И дружина его охотничья скалится. Ясно ведь, что от облавы мне никуда не деться. Но и отказываться нельзя: сразу псов спустят.

Ну, думаю, ладно, доберусь до леса, брошу коня на съедение собакам, сам на дерево влезу. А там, даст бог, кому-нибудь из охотников на спину спрыгну, да кинжалом – по горлу. Чтoб хоть одного мазовца с собой на тот свет утащить. Больше всего хотелось Земовиту кровь пустить, раз уж до колдовского пана с медвежьим гербом добраться не суждено. О собственном спасении уже и не помышлял. Поскакал, в общем. Но не успел и полпути до леса проехать, как слышу – рог сзади трубит. Не сдержал княжич слова своего! Раньше уговора охоту начал...

Сначала собак мне вдогонку пустили. Всю свору – с десятков псов. Настигли они меня у самого леса. Коня свалили, облепили со всех сторон. Изодрали одежду в клочья. Да и кожи с мясом кое-где повыдирали успели. Я отбивался ножом, как мог. Двух или трех псов поранил, еще пару насмерть порезал. Потом вижу: пасть к горлу тянется. И сделать уже ничего нельзя.

Понял – все... Отбегал, говорю себе, ты свое, пан Освальд, отгулял. И вдруг в пасть эту самую стрела вошла. Да славно так – по самое оперение. А тут еще одна летит. Из леса, до которого я малость не доехал. И вторая. И еще две псины визжат, катаются по снегу, грызут древко в боку.

Метко стрелы били – собак валили, а меня даже не царапнули. Так и перестрелял лесной лучник всех Земовитовых псов. А я лежу – весь в своей и собачьей крови и думаю: вот уж пся крев, так пся крев. Потом слышу: княжич вдали ярится, кричит, но сам близко подъехать опасается. Послал на разведку пяток своих дружинников. Трое полегли от стрел. Двое в лес все же въехали. Минуты не прошло – выезжает обратно только один. Мчит назад, как безумный, без шлема, без щита. Плечо – рассечено, голова – в крови. И орет благим матом, татары, мол, в лесу, племя адово! И коня настегивает почем зря. А за ним из лесочка выскакивает человек. Маленький, сухонький, старенький, с желтым лицом, с узкими глазками. И копьём диковинным о двух остриях размахивает. И ругается непонятно.

Тут уж и Земовит, и свита его вся коней развернули – да поминай, как звали. Дюже татар испугались. А мне самому чудно стало – откуда здесь татарам-то взяться. Потом из-за деревьев Богдан с луком вышел – это его стрелы меня от собачьих клыков спасли. Он и рассказал все. И про дружка твоего китайского Сыма Цзяна. И как вы с рыцарем этим медвежьим Фридрихом фон Бербергом в прусском Священном лесу повстречались. И как с крестоносцами из Наревского замка сражались. И как под Взгужеvejeй всех ваших раненных вместе с полусотней Шэбшээдея невидимыми стрелами перебили.

Сам Богдан с китайцем спаслись чудом. Их Шэбшээдей оставил в тылу – за загонными лошадьми присматривать. По снегу, утоптанному теми лошадьми, они вдвоем и ушли, когда супостаты из замка татарскую полусотню и раненных расстреляли. В Пруссии оба едва не попали в лапы к тевтонам: от погони оторвались только в мазовских лесах. А у тракта Богдан охоту Земовита заметил. Ну, и меня в качестве дичи.

Китаец твой, Вацлав, речи христианской совсем не понимает. Пришлось на пальцах ему объяснять, что к чему. Но Богдан – молодец – объяснил. Отбили они меня у Земовита и дружину его перепугали вусмерть. Потом со мной в Кульм ехать пожелали. Да и куда им, горе-мычным, деваться-то было.

С убитых земовитовых воинов я подобрал себе справный доспех. У одного пана в седельной сумке даже шлем закрытый нашелся, по немецкому образцу выкованный. Щит без герба взял у незнатного дружинника. Меч хороший нашел, копьё, кольчугу, поножи... В общем, все, что рыцарю потребно. Благо, Земовит даже на охоту водит своих воинов в боевой броне. Видать, врагов у княжича немеряно, вот и берегся Конродов выродок.

Обходными тайными тропами добрались мы до кульмского ристалища. Китайца с Богданом я оставил в лесу, сам же под видом тайного рыцаря вчера отправился на турнир. А там, представляешь, Вацлав, как раз похваляется перед немцами княжич Земовит.

Конечно, я не удержался. И травлю псами ему припомнил, и то, что приходится он сыном заклятому врагу моему Конраду Мазовецкому. Но если с одряхлевшим стариком Конрадом истинному шляхтичу биться – не честь, а бесчестье одно, то покалечить или убить на ристалище его молодого сыночка – совсем ведь другое дело. В общем, добыл я себе турнирное копьё – уж не спрашивай как, сам, верно, знаешь. Выхал на поединок, да вышиб мозги Земовиту. Потом, правда, пришлось уносить ноги. А сегодня поутру отправил к ристалищу Богдана – поискать на турнире медвежьего рыцаря фон Берберга. Богдан супостата нашел, выследил и указал нам с Сыма Цзяном путь к старой мельнице. Там мы тебя с Ядвигой и встретили.

Глава 2

Выслушав захватывающий рассказ пана Освальда, Бурцев принялся рыться в седельных сумках вестфальдца и его оруженосца. Хорошо бы найти там какой-нибудь «громомет», о котором упомянул добжинец.

Увы, ни автоматов, ни пистолетов в чужом багаже не оказалось. Видимо, оружие следовало искать раньше – в доме мельника, где устроил засаду фон Берберг. Походную рацию штандартенфюрера, кстати, тоже. С трофейными лошадьми им достались лишь пара теплых одеял, сухпай, бинокль и карта – приличных размеров, но компактно свернутая. На необычайно прочной влагостойкой бумаге. Подробная, весьма подробная, чрезвычайно подробная карта. Такие в средние века не рисовали ...

Освальд бросил на пестрый рисунок беглый взгляд и отвернулся: пану было неинтересно. Ядвига и Сыма Цзян оказались более жадными до чужих диковинок: оба так и вперились взглядами в развернутую бумагу. Схематичное изображение было испещрено мелкой латиницей. Но надписи не мешали. Здесь было видно все. Морское побережье Балтики, степные просторы Задонья, леса, болота, города и замки в сетке меридианов и параллелей, в путаном пунктире частых границ. Королевства и ханства, княжества, герцогства, крупные и мелкие феоды... В центре – Русь! Бывшая шпионка и китаец изучали рисунок, едва не вырывая карту друг у друга из рук. Вырвал Бурцев. Присмотрелся...

Было в ней, в этой карте, что-то особенное. Жирные красные точки – вот что! Не города, не веси, но и явно не случайные символы. Вот одна – в дремучих куявских лесах. Взгужежежа. Вот еще – возле Кульмского замка на изгибе Вислы. Старая заброшенная мельница. И вот здесь, в глухомани у самых Наревских болот краснеет третья точка. Бурцев прикинул: да, именно там должен находиться Священный лес пруссов кунинга Глянды. А вот, кстати, и алая отметина на востоке Силезского княжества, неподалеку от Малопольской границы. Отсюда год назад начал свой путь в прошлом бывший омоновец.

Вне всякого сомнения, красным обозначены арийские платц-башни. Гитлеровские эзотерики, эти живые сканеры Третьего Рейха, здорово поработали, отыскивая следы былой мощи в астрале и нанося их на карту цайткоманды... Вероятно, в центральном хронобункере СС имеются и другие подобные карты, с обозначением мест средоточия древней магической силы восточнее и западнее Руси. Но сейчас фашиков интересует именно этот клочок суши, а остальное... Ну, не возить же с собой фон Бербергу всю карту мира. Когда придет время, командование расширит вестфальцу поле деятельности. А пока, вот вам, хэр штандартенфюрер, Русь-матушка на растерзание.

И ведь есть что терзать: немало красных точек усыпало землю от Днестра до Волги и дальше веселыми конопушками. Только вот счастья эта арийская сыпь русичам не принесет. Лишь навлечет беду – совместный фашистско-тевтонский крестовый поход.

Бурцев продолжал изучать карту. Вот пара точек – за Новгородом, у Ильмень-озера. Одна – в непролазных лесах южнее Пскова. Самая же жирная клякса сливалась кровавым пятном с Дерптом – на самом русско-ливонском приграничье. Мало того – точка дважды обведена. Что бы это значило?

Дыхание перехватило. Да ясно же что! Фон Берберг говорил о некоем плацдарме – о главной базе цайткоманды, откуда начнется натиск на восток. Говорил, но не открыл, где именно она находится. Теперь известно где. Дерпт! И в разговоре, подслушанном Освальдом во Взгужежеже, тоже речь шла о Дерпте! Ну, а если это такая важная точка на карте, не там ли штандартенфюрер прячет Аделаиду? Вообще-то, все здорово смахивало на то: телепортировать пленницу при помощи магических платц-башен со старой кульмской мельницы в Дерпт для фон Берберга – секундное дело.

Что ж, путь на Дерпт карта цайткоманды укажет им лучше любого проводника...

О своих планах Бурцев рассказал, когда все снова сидели в седлах. Говорить о предстоящей дороге лучше всего в дороге – меньше соблазна остаться на месте.

– Дерптское епископство? – Глаза пана Освальда не по-доброму блеснули. Дернулся длинный ус... – Почему бы и нет? Если фон Берберг там, я – за. Вестфалец должен ответить за Взгужевежу.

Сыма Цзян и Ядвига тоже возражать не стали. Обоим нечего было возразить. И обоим некуда было податься.

– Только вот боюсь, Вацлав, подобру-поздорову нас епископ в свою крепость не пустит, – как бы между прочим, заметил добжинец. – Придется пробиваться с боем.

– Не придется!

Ядвига уверенно вклинила коня между ними. Девушка держала ушки на макушки, прислушиваясь к разговору рыцарей. И вот дождалась момента – вставила свое веское словечко.

Освальд глянул на нее с любопытством. Ядвига Кульмская в ответ одарила добжиньца очаровательной улыбкой. Видать, по сердцу пришелся ветреной девчонке хозяин Взгужевежи.

– Я проведу вас за ворота Дерпта.

Добжинец недоверчиво качнул головой:

– Ты говоришь так, дорогая Ядвига, будто там тебе будут рады.

– Будут. Епископ Дерптский Герман фон Крайземан присутствовал на открытии кульмского турнира. Он встречался с Вильгельмом Моденским и Дитрихом фон Грюнингеном. А я встречалась с ним. Фон Балке посылал меня... Пару раз... С некоторыми поручениями... Так что его преосвященство лично знаком со мной. Хорошо знаком.

– Отлично!

Освальд радостно хлопнул себя по бедру.

Ядвига потупила взор.

Бурцев ошеломленно покачал головой.

– Так ты что же, Ядвига, и с дерптским епископом... э-э-э...

Укоризненный взгляд оборвал его на полуслове. Красноречивый взгляд и недвусмысленный. Экс-шпионка коротко стрельнула глазками в сторону добжиньского рыцаря. Мольба промелькнула в лукавых очах... Понятно. Девочка не желает, чтобы благородный пан Освальд догадался об ее похождениях. Ну-ну... Польский рыцарь и не догадался. Не заметил молчаливой просьбы, не разглядел чуть заметного ответного кивка Бурцева. Бедный пан Освальд Добжиньский, похоже, ты попал...

– Значит, с дерптским епископом ты тоже ... общалась?

Ядвига мило покраснела:

– Общалась. Он оказался слабым грешным человеком. Любит хорошо поесть и попить. Подраться тоже любит. Куда больше ему к лицу булава, нежели епископский жезл. О ней, кстати, ходят легенды. Я как-то видела ту ужасную боевую дубинку... Не каждый рыцарь поднимет ее двумя руками, а его преосвященство управляется одной.

– Поесть, попить и подраться, говоришь, любит? – усмехнулся Бурцев.

– Ну, и все остальное тоже, – длинные ресницы Ядвиги захлопали как крылья. – И главное, уста на замке держать не умеет.

– И что же ты от него узнала?

– Епископ Герман давно состоит в стоворе с ливонским ландмейстером Дитрихом и тоже точит зуб на новгородские земли. С самого начала его преосвященство поддерживал идею фон Грюнингена о крестовом походе на Русь. А с Вильгельмом Моденским дерптский епископ встречался, чтобы узнать мнение папского легата о некоем небесном воинстве, обосновавшемся в его владениях.

– Обосновавшимся?

– Да. Герман говорил, будто прямо в Дерпте строится невиданный лагерь. И там, якобы, происходят настоящие чудеса.

Бурцев кивнул. Похоже, его догадка о месторасположении главной ударной базы цайткоманды верна.

– И что же ответил Вильгельм Герману?

– Приказал во всем подчиняться небесному воинству. Сказал – такова воля Святого Рима.

– А Герман?

– Герман принял это к сведению и уехал. Меня с собой звал – посмотреть на небесное воинство и творимые им чудеса. Я обещала приехать, но позже. Так что меня в Дерпт пустят без проблем. Да и спутников моих, думаю, тоже, если они не станут кричать, кем являются на самом деле.

Она тронула коня, отъезжая. Все: тема закрыта. Удаляясь, жеребец Ядвиги махнул хвостом.

Глава 3

Освальд восхищено прицокнул:

– Ай, да девка! Бедняга Вольфганг знал толк в женщинах, даром, что мальчишка совсем. Слушай, а правду молвят, будто она от княжича Земовита сбежала.

– Ну, сбежала...

Глаза добжиньского рыцаря плотоядно блеснули. Усы встопорчились.

– Здорово! Клянусь своими шпорами, покусает еще мазовецкая семейка локти. Это ж какой позор для старика Конрада и всей его родни будет, когда я с Ядвигой... Х-ха!

Вот так-так! Кажется, месть в любом из ее проявлений давно стала навязчивой идеей этого злопамятного пана. В свое время он ведь и Аделаиду сцапал, лишь бы досадить тевтонско-мазовецко-куявским недругам. Переспать с несостоявшейся пассией сына Конрада Мазовецкого для Освальда – тоже часть возмездия. Причем, добжинец и не думал скрывать своих намерений.

– А ты сам не желал бы разделить с Ядвижкой ложе, а?

Поляк весело подмигнул. Бурцев даже не улыбнулся в ответ. Не смешно. Он уже один раз разделил... Хватит, на всю жизнь наделился.

– Э-э-э, да ты, я смотрю, совсем смурной, Вацлав. Не кручинься, Бог даст – найдем и твою Агделаиду. И можешь быть спокоен – я между вами больше не встану. Истинный крест! Зачем мне, с этакой-то кульмской красоткой!

Освальд пришпорил коня, погнал по глубокому снегу наперерез девушке. Лихо скакал – дерзко – почти не держась за повод. Красавец, ничего не скажешь! Благородная осанка. Околючуженная грудь – колесом. Подбородок – выше крыши. Распушенные усы веером. Пена из пасти вздернутого на дыбы коняги – пузырями. Освальд что-то проговорил. Ядвига прыснула. Да, что-то, а любезничать с дамами польские вояки умеют.

Звонкий смех девушки Бурцев слушал с тяжелым сердцем. Аделаида – вот что было в том сердце. Уж он бы тоже вволю погарцевал сейчас вокруг дочери Лешко Белого. Да только кто ж теперь позволит!

– Жалко девка теряться? – сзади тихонько подъехал Сыма Цзян. – Грустно такой девка упускаться?

Всем своим понурым видом бывший советник Кхайду-хана выражал сочувствие.

– Дурасек ты, Сема! – передразнил китайца Бурцев.

Не о той, совсем не о той наезднице, что флиртует с добжиньцем, думал он сейчас.

– Это твоя дурасек, – беззлобно огрызнулся желтолицый старик. – Ядавиги – хороший девка! Красивый, рыжий девка! Женихаться надо, Васлав. Имей твоя два жена – Ядавиги и Адалайда, и не будь грустной. Такой дела не плохо, такой дела хорошо. Можно три жена, можно четыре, можно десять. Только помещайся в дом или юрта. Сразу забывайся вся беда.

Бурцев сплюнул. Беда забывайся – это, конечно хорошо, но имелось такое подозрение, что ему теперь и сотня любвеобильных красавиц не заменит Аделаиду. Не-е, восточные рецепты тут не годятся.

– Ай-ай-ай, Васлав, твоя себя погубит! – покачал головой китаец.

– Слышь, отвали, а, отец? Без тебя тошно.

Сыма Цзян понял. Сыма Цзян не обиделся. Сыма Цзян отвалил.

Под вечер – перед самой ночевкой – Ядвига Кульмская вновь подъехала к задумчивому Бурцеву. Как бы невзначай – чтобы Освальд не заметил – тронула стремям стремя:

– Вацлав, умоляю, не говори пану Освальду ничего.

– Чего не говорить-то? – он не сразу и сообразил, о чем речь.

– Ну, что мы с тобой... И что я с другими... Пан Освальд... ну... он... не знает... И он...

Странное, совсем не свойственное Ядвиге смущение отразилось на покрасневшем лице. Стесняется? Ну и ну!

– Хочет сделать тебя дамой сердца, что ли?

– Он только что предложил мне руку и сердце. А я, в общем-то, не против. Пан Освальд мне по нраву.

Ого! Бурцеву даже сделалось немного веселей. Тут уже не только месть замешана. Тут, блин, взаимной любовью попахивает. Большой и чистой. Похоже, бывшая пассия Земовита окончательно охмурила добжиньца. Или это просто кратковременная безбашеная страсть? Хотя, какая разница. В любом случае не ему топтать чужие чувства.

– Не расскажешь, Вацлав?

– Да ладно, Ядвижка, какие проблемы – ничего не скажу. Но раз такое дело, то и ты, будь добра, держи язык за зубами. А то... Пан Освальд – человек, знаешь ли, вспыльчивый и вроде как мой сюзерен. Это он ведь меня в рыцари посвящал, а я с его невестой на старой мельнице... Непорядок! Это ж право первой ночи наоборот получается. За такое, наверное, башку снимают.

Ядвига улыбнулась:

– Я – могила. А тебе спасибо. При случае отблагодарю – не пожалеешь.

Она лукаво подмигнула, давая понять, о какой именно благодарности идет речь. Бурцев чуть не свалился с седла. Нет, не то чтобы ему было неприятно... Собственно, ту ночь в домишке кульмского мельника они провели очень даже ничего, но... Но Аделаида! И потом, делать подобные намеки сразу после помолвки... Ядвига Кульмская как всегда была несравненна в своей непосредственности.

Девушка чмокнула губами. Не столько понукая коня, сколько изображая прощальный и такой многообещающий поцелуй... Ишь, не нацеловалась еще!

Ох, несчастный Освальд, угораздило же тебя! Хотя с другой стороны... Пан разбойник тоже ведь не подарок. Оба они друг друга стоят. Может, потому и спелись так быстро?

На ночь остановились в лесной глуши – то ли на заброшенной летней стоянке прусских бортников и охотников, то ли в тайном разбойничьем схроне. Две шалашообразные хижинки издали напоминали погребенные под снегом берлоги. Однако сугробы над рукотворным буреломом надежно защищали от ветра и холода. Да и огонек, разведенный меж ними для согрева дозорного, скрывали от чужих глаз.

Ядвига ночевала с Освальдом. Вторую хижину заняли Бурцев и Сыма Цзян. Мужчины договорились дежурить по очереди. Сначала Бурцев, потом – старик-китаец, последним – Освальд. Но первую вахту спал только бывший советник Кхайду-хана. Бурцев на своем посту хорошо слышал приглушенные звуки из соседнего сугроба. Сомневаться, чем вызвана эта возня в лежбище молодого мужчины и молодой женщины, не приходилось.

Он вздохнул. Ох, и хреново же было слушать такое, сидя в одиночестве у костра. Нет, вовсе не запоздалая ревность к Ядвиге мучила его сейчас. Иная печаль терзала душу. Опять! В язычках пламени чудился милый сердцу образ. Княжна Агделаида Краковская, гордая дочь Лешко Белого, улыбалась из огня приветливо и ласково. Совсем как прежде – так, как, наверное, никогда уж улыбаться не будет. Ему – не будет. Аделаида извивалась, изгибалась, как бывало порой, когда он ласкал ее стройное тело.

Внезапный порыв ветра качнул пламя. Огненная Аделаида будто вскочила с разогретого ложа любви, будто протянула к нему руки, взывая о помощи. Ища защиты. И тут же сникла... Зашипел на углях павший с ветки снег.

Бурцев сжал кулаки. Он вытащит ее. Вырвет из цепких лап штандартенфюрера Фридриха фон Берберга, чего бы это не стоило. Вырвет, даже если сама княжна будет тому противиться. Ну, а потом... Раз им суждено расстаться – расстанутся. Но сначала пусть фон Берберг умрет. И пусть Аделаида окажется вне досягаемости для эсэсовских хронодиверсантов.

Еще один – особенно громкий и звонкий – стон страсти нарушил тишину. Ядвига... А теперь вот – зычнее, глуше – Освальд. Бурцев глянул на луну. Впору взвыть.

Глядел долго, пока не решил: время! Пора будить Сыма Цзяна и ложиться спать... Заставить себя уснуть, пока совсем не рехнулся.

Глава 4

Вот и все. Долгий, почти бесконечный путь позади. Из густого подлеска, служившего им укрытием, местность просматривалась великолепно. Особенно в трофейный бинокль. Сюда они добирались, сторонясь трактов и больших дорог, так что теперь можно было наблюдать за городом спокойно, не опасаясь преследования.

Резиденция дерптского епископа Германа фон Крайземана – бывший русский городок, основанный еще в одиннадцатом веке Ярославом Мудрым и именованный до захвата немцами Юрьевым, возвышался над замерзшей речушкой Эмайыгой. Онемеченный Дерпт не выглядел гостеприимным местом. Каменные стены и башни внутреннего замка были здесь, конечно, поменьше Кульмских. И над островерхими крышами внутренней цитадели не реяли грозные орденские стяги – только топорщились католические кресты, да развевался одинокий флаг с гербом его преосвященства.

Благодаря мощной оптике, Бурцев смог различить геральдические цвета епископа: красный, серебряный и золотисто-желтый. На красном поле огромный серебряный ключ перекрещивается с серебряным же клинком. В головке ключа вырезано крестообразное отверстие. Бородка – непроста, не примитивна. Для сложного замочка, видать, выкован ключик. Рукоять геральдического меча позолочена. Такой же золотой крест изображен сверху – над ключом и клинком.

Епископский замок, как и положено доброй крепости, был построен на возвышении, окружен рвом и валом с обледеневшими склонами. К холму с каменной цитаделью со всех сторон жмутся домишки горожан, а внизу – уже на равнине – Дерпт опоясывает вторая стена – деревянная и невысокая.

Опытный глаз сразу различил бы, что хозяйство в Дерпте ведет человек, умеющий не только творить молитвы. Подступы к городу и замку хорошо просматривались и простреливались. Посад под стенами – небольшой, но поставленный добротнo и с толком, чтобы в случае штурма разбить, рассеять, задержать противника. Такой посад нетрудно и поджечь при спешном отступлении к крепости.

Фортификации содержались в идеальном состоянии. У городских и замковых ворот собрано достаточно стражи, чтобы отбить неожиданный наскок передового вражеского дозора и даже на время сдержать натиск более крупного отряда неприятеля. Причем, сразу видно: воины не отбывают время, не маются от безделья. Все – при полном вооружении, все собраны, подтянуты. Ни одна повозка, ни одни сани мимо таких не проедут недосмотренными, ни один путник не пройдет нерасспрошенным.

На внешних и внутренних стенах тоже поблескивали шлемы и наконечники копий. Меньше, чем требуется для отражения штурма, но больше, чем нужно для простого наблюдения. Дымились костры под котлами с варом – стража согревается, не покидая постов. Видимо, близость к новгородским землям и вечное полувоенное положение приграничья держало епископскую рать в надлежащем боевом тону.

Но...

Но до чего же дико и нелепо смотрелся в крепости, полностью готовой к обороне, два солидных – в полпролета стены – пролома. Первый открывал нутро епископского замка. Второй зиял во внешних укреплениях, неподалеку от привратных башен. От одной дыры к другой – по разрытому валу, по засыпанному рву, по оборванным, рассеченным улочкам через весь Дерпт и далее – выступая за пределы городской стены – тянулся не частокол даже – а так себе, невысокий – в рост человека – дощатый забор с бойницами. Укрытие от стрел и только. А перед забором...

Три ряда колючей проволоки. И еще один – четвертый, поменьше, поплоче – на удалении. Этот – не для врага. Этот просто оберегает от неразумных дерптцев и тупой домашней скотины припорошенную свежим снежком полоску земли. Дураком надо быть или средневековым невеждой, чтобы не распознать между рядами «колючки» минные заграждения. И пулеметные вышки по периметру, с боевыми площадками, укрытыми деревянными щитами.

Беспрепятственно попасть за колючую проволоку тут можно только через вынесенные далеко... очень далеко за черту города ворота. Впрочем, настоящие ворота вешают там, где есть мощные стены. Хлипкий забор и столбы с «колючкой» плохо подходят для этой цели. Нет, то были не ворота, а, скорее, мощный шлагбаум. Обитый щитами-павезами с бойницами. Укрепленный приваренными стальными подпорками – прочными, надежными – вроде противотанковых ежей. Оплетенный спиралью колючей проволоки. Шлагбаум поднят – хоть пешком иди, хоть на коне проезжай, хоть на санях. Опущен – не пройдешь, не перелезешь, тараном не взломаешь.

За шлагбаумом – караульная будка. Над шлагбаумом – еще одна пулеметная вышка. На вышке – полотнище со свастикой. Справа – окопчик огнеметчика. Слева – окопчик гранатометчика. Трубу ранцевого фламменверфера и коническую болванку фаустпатрона нетрудно разглядеть на заснеженном бруствере. Так что, хоть подступы к шлагбаумным воротам и не заминированы, ни пехоте, ни коннице, ни осадной технике противника легко они не дадутся.

На огороженной территории сновали несколько человек в шинелях. В касках. С автоматами. За «колючкой» вообще все было не так, как на тесных улицах Дерпта. Если когда-то там и располагались дома горожан, то ныне от них не осталось и фундаментов. Впечатление такое, будто когда-то в цитадели его преосвященства стоял необычайно высокий, тяжелый и узкий шкаф-небоскреб, который случайно уронили на город. Шкаф рухнул, сминая все на своем пути. Шкаф проломил стены, расплющил вал, утрамбовал ров, разнес узкие зловонные улочки. А когда упавшую мебель подняли и унесли грузчики-великаны, по всему Дерпту протянулась выдавленная полоса: длинный-предлинный прямоугольный отпечаток.

Образовавшийся пустырь огородили забором, колючей проволокой и минными полями. Поставили мощный шлагбаум с караулкой. Да пулеметные вышки. Да длинные казармы по одну сторону и просторные бревенчато-дощатые строения непонятного предназначения – по другую. Да штабной домик с антенной на крыше.

Но больше всего воображение поражала ровная... ровнехонькая площадка, расчищенная от снега. Не площадка даже, а площадь, площадище целая... Узкая и длинная. Тянется посреди огороженного пространства от подножия замкового холма и почти до самого шлагбаума. Будто заманивает потенциального противника к Дерптской цитадели скатертью-дорожкой. Хм, интересно, что бы это значило? Место под новое грандиозное строительство? А вон там что?

В глубине дерптского замка, за засыпанным и утрамбованным рвом, за смятым валом, за порушенными стенами – там, где покоилось до поры до времени основание рухнувшего супершкафа, возвышается наскоро сбитое куполообразное сооружение. Хлипкое, явно временное, но необъятное, словно дом великана. Словно храм великана. Словно гигантский колпак, закрывший от непогоды и чужих взоров целый городской квартал... Что ж такого ценного в этом квартале-то?

А ведь ясно что! Платц-башня! Цайт-прыжки тут, похоже, уже начались. И гости из будущего подгоняют под привычные стандарты окружающий мир. Вот и возник чудовищный симбиоз средневекового замка и секретной базы Третьего Рейха. Вот и наложились друг на друга два разновременных военных объекта. Вот и поднялось неподалеку от флага дерптского епископства знамя, украшенное свастикой.

Глава 5

– Изломанный крест... – хрипло выдохнул Освальд. Добжинец всегда отличался зорким глазом. – Вон там, над воротами из павез. Это ведь тот самый герб, что подняли супостаты над моей Взгужежежей.

Бурцев не ответил. Фашистское знамя над Дерптом говорило о многом. О том, что цайт-команда уже имеет свой город в городе, замок в замке, резиденцию в резиденции. И о том, что эсэсовцы здесь не считают нужным рядиться в чужие одежды и прикидываться монахами или странствующими рыцарями. Дерптские фашики почувствовали свою силу, открыли свое истинное лицо и подняли свой флаг. Как в Взгужежежи, где некому уже было сорвать знамя чужих времен и идей. Псевдолегат Святого Рима убедил-таки епископа Германа фон Крайзе-мана отдать город на откуп «небесному воинству».

Бывший омовенец, польский рыцарь, китайский мудрец и молодая шпионка-нимфоманка смотрели не отрываясь, смотрели во все глаза.

– А это что такое – там вон, за проволочной оградой, где снега нет? – Освальд хмурил брови и нервно подергивал усами. Усы добжиньца всегда приходили в движение, если их хозяин находился в замешательстве. – Видите, длинная ровная и широкая дорога посередине... Ристалищное поле? Так великовато оно даже для групповых схваток. Может быть, епископ устраивает здесь скачки?

«Ипподром» за колючей проволокой что-то напоминал Бурцеву. И очень, очень ему не нравился. Но вот почему?

– Ты что скажешь, Сыма Цзянь? – перешел он на татарский.

– Нисё, – пожал плечами китайский мудрец. – Совсем дурачек ваша епископа. Стена – ломай, ров – засыпай, ровная-преровная дорога к городу строй. Так и тарана, и осадная башня, и камнемета, и пешая и конная войска пройдет. Ой, дурачек!

Бурцев невесело усмехнулся. Дурачок, говоришь? Нет, не все так просто, друг Сёма. Если у епископа Германа с головой что-то не в порядке, люди фон Берберга вмиг мозги ему вправят и понапрасну дурить не дадут. Нет, по всему видать – не епископская задумка платц этот прокладывать. Тут явно цайткоманда постаралась, выравнивая, будто по ниточке, внутригородское пространство и пересеченную местность за пределами Дерпта. Только – е-пэ-рэ-сэ-тэ! – зачем это понадобилось фашикам?! Может, ловушка здесь какая-то кроется?

– Ладно уж, чего гляделки глядеть и гадалки гадать, – Освальд Добжиньский решительно рубанул ладонью воздух. – Решили идти в Дерпт, так идем. Ядвига проведет мимо стражи, а там видно будет.

– Не спеши, пан Освальд, – покачал головой Бурцев. – Может, епископ и пустил бы нас в город, да только здесь, похоже, заправляет уже не он.

В бинокль было видно, как засуетилась стража у ворот. Дерптские воины выполняли приказы... приказы эсэсовца. Человек в шинели и каске с рожками-пупырышками попал в его поле зрения лишь на миг, но никаких сомнений у Бурцева не оставалось: вот он, истинный начальник караула!

– И что нам теперь делать? – буркнул Освальд. – До второго пришествия тут сидеть?

– Погоди-ка! – Бурцев снова прильнул к биноклю.

– Ну? Что там еще?

– Из ворот, кажись, выезжает кто-то...

В самом деле... Стража выпускала из города вереницу груженных саней и отряд вооруженной охраны. Купеческий обоз – не иначе.

Добжинец тоже рассмотрел движение. Утихомирился, прикинул вслух:

– А мимо нас ведь проедут! Ждем?

Переглянулись. Поняли друг друга без слов.

– Ждем, – кивнул Бурцев. – Сыма Цзян с Ядвигой останутся в укрытии – держать лошадей наготове, а мы... мы подберемся к дороге. Попытаемся... Может, повезет.

Это был шанс. Если бы удалось захватить языка – пусть хоть даже самого тупого кмета – можно было бы вызнать, что творится за стенами Дерпта. Все ведь лучше, чем идти к чужим воротам наудачу, не зная обстановки.

Но, увы, чем ближе подъезжал санный караван, тем сомнительнее казалось задуманное предприятие. Охраняли купеческое добро, конечно, не рыцари, а конные и пешие наемники из кнехтов, но и эти – тоже не сахар. Особенно в таком количестве. Полдюжины спереди – окружили пузатого бородача в богатых одеждах и с кислым лицом: явно не прибыль подсчитывает сейчас торгаш, а убытки.

Столько же воинов плетется сзади – оберегают тыл, да меж саней еще вон мелькают копья, топоры и шляпообразные каски. А на тюках – позади возниц – разместились арбалетчики. Ох, и основательно же подготовился неведомый купчишка к путешествию по опасным прусско-ливонским землям. Как тут напасть? Как незаметно умыкнуть человечка? Но и упускать обоз тоже жалко. Когда еще такая возможность представится!

– Надо... – упрямо процедил сквозь зубы Освальд. – Полонянина брать надо, иначе ничего и никак нам не вызнать.

– Ну, так уж ничего? Так уж и никак? – ручка Ядвиги легла на плечо Освальда. Полячка улыбалась. Спокойно и весело улыбалась. Гораздо спокойнее и веселее, чем следовало бы в их ситуации. – Там, где бессилён мужчина, всесильна женщина, мой милый рыцарь.

– Что? – встревожился добжинец. – Ты хочешь...

– Я выйду к обозу. Одна. Поболтаю с купцом, узнаю все, что нужно, и вернусь.

Она говорила просто, как о походе по грибы.

– Думаешь, купчина станет с тобой разговаривать?

– Этот – станет, – усмехнулась Ядвига. – Знаю я этого купца. Ирвином его кличут.

– Знаешь? Купца? – Освальд был ошарашен. – Откуда?

– В Легнице встречались, – уклончиво ответила Ядвига. – Еще до прихода татар.

У Бурцева отвисла челюсть. Вот уж, действительно, мир тесен! Легницкий пеньково-суконный магнат, у которого раньше состояла в услужении Ядвига, отправился за барышами в Дерпт! Ну, чем не удача!

– Она дело говорит, Освальд.

Польский рыцарь в недоумении пялился то на Бурцева, то на свою возлюбленную.

– Вам все равно не захватить Ирвина, – терпеливо объясняла та. – А ведь он, наверняка, знает лучше остальных, что происходит в Дерпте. И мне по доброй воле расскажет больше, чем вы сможете вызнать от полонянина. Которого, между прочим, еще сцапать надо.

– Сцапаем, – обиделся Освальд.

– Конечно-конечно, милый. Только зачем, если Ирвин сам выложит все и не заподозрит ничего худого? Так ведь будет проще и безопаснее.

Да, неплохо придумано! Бурцев восхищенно мотнул головой. Ай, да девчонка, ай да молодец! Сразу видно шпионскую выучку.

– Ты прямо у нас ходячая палочка-выручалочка!

– Сам ты дубина стоеросовая, Вацлав – ласково огрызнулась Ядвига.

Освальд, однако, хмурился:

– Не нравится мне эта затея. Ты будешь одна, а там мужиков не меньше трех десятков. Тебя ведь могут... Ну... тебе могут причинить вред.

Ядвига усмехнулась. Бурцев тоже. Такая особа сама кого хочешь «может», да еще и получает от этого удовольствие. Уж вреда-то – точно не будет.

– Не забывай, пан Освальд, я ведь знакома не только с Ирвином, но и с епископом Германом. А потому вряд ли кто-нибудь в этих землях рискнет поднять на меня руку.

– Ирвин тебе не поверит.

– Может быть, но все равно побоится дурно обращаться со мной. Он труслив и осторожен сверх всякой меры – уж я-то знаю.

– Но...

– Скажу, что разыскиваю епископа, упомяну имя Фридриха фон Берберга. Этого будет вполне достаточно.

– Пусть едет, – кивнул Бурцев.

– Но...

Пальчик Ядвиги лег на уста добжиньца. Рыцарь замолчал. Девушка обворожительно улыбнулась:

– Я быстро.

Возразить Освальд не успел – Ядвига уже гнала коня по глубокому снегу к дороге. Выбравшись из леса, в открытую направилась навстречу торговому обозу. Все, теперь останавливать ее поздно: охрана заметила одинокую наездницу впереди.

Глава 6

Бурцев с добжиньцем спешили и отдали коней Сыма Цзяну. Сами подобрались к обочине – близко, насколько это возможно. Замерли, всматриваясь и прислушиваясь.

Ядвига ехала с купцом стремя в стремя. Кнехты, чуть поотстав, пялились на стройную фигурку всадницы. За лесом не наблюдал никто.

– Если с ней что-то случится, – поубиваю всех, пся крев, – грозно пропыхтел Освальд. – Тебя с купцом – первыми.

– Да тише ты со своей песьей кровью – шикнул Бурцев. – Ничего с Ядвигой не делается. А если нас услышат – всем крышка.

Мимо как раз проезжал обозный авангард.

– Ох, дорогая Ядвижка, – сокрушался Ирвин. – Пенька, лен и сукно сейчас здесь никому не нужны. Жратва и оружие – вот что в цене. А с Русью ливонцы торговать не велят. Угрожают отобрать товар, а самого повесить. Разорение одно с этим их крестовым походом!

Крестовым походом? Бурцев насторожился.

– Его преосвященство епископ Герман собственноручно чуть не проломил мне голову своей страшной булавой, когда я заикнулся, что мирный торг с русичами более выгоден, чем война, – продолжал жаловаться купец. – Меня даже в темницу к крысам бросили, представляешь Ядвижка! Насилу откупился. Едва обоз свой спас от полного разорения. Ох, и времечко... А тут еще это небесное воинство объявилось, коему его преосвященство и ливонский магистр Дитрих внимают как зачарованные. Уж не знаю, откуда на самом деле взялась та рать, но, по моему скромному разумению, именно она и подстрекает всех к скорейшему походу на восток...

Купец с Ядвигой проехали, и больше Бурцев не смог разобрать ни слова. Теперь мимо шел обоз. Вскрапывали лошади, шелестели полозьями сани, кто-то что-то тихонько напевал. Потом ветер донес задорный смех Ядвиги. Громко хохотнул и Ирвинг у которого в компании бывшей служанки быстро улучшалось настроение. Заржали кнехты из охраны. Освальд скрипнул зубами от ревности и злобы.

Вскоре обоз скрылся за поворотом. Добжинец начал нервничать:

– Догнать надо! Отбить! Немедленно! Ее же похитили, Вацлав!

Бурцев сдерживал рыцаря, как мог. А четверть часа спустя «похищенная» вернулась сама. Лицо лазутчицы было непривычно серьезным. Что бы это значило? Как оказалось – ничего хорошего.

– Фон Берберга в крепости нет, – доложила Ядвига. – Епископа Германа тоже.

– Все ушли на фронт? – скривился от досады Бурцев.

– Выступили навстречу основным силам ливонцев. Вильгельм Моденский уже объявил крестовый поход, а ливонский ландмейстер провозглашен верховным магистром ордена. Дитрих фон Грюнинген собрал под свои знамена не меньше десяти тысяч рыцарей с кнехтами и оруженосцами.

– Десять тысяч? – Бурцев нахмурился. – В этой ораве отыскать фон Берберга будет непросто. Он хоть не сменил еще своего приметного медведя на другой герб?

– Нет. Вестфалец по-прежнему носит медвежий герб и считается главным советником магистра Дитриха и дерптского епископа. Правда, Ирвин говорит, власти у него сейчас поболее, чем положено иметь простому советнику.

– А свое войско у него есть?

– Фон Берберг ведет с собой невиданное знамя¹ Откуда явились эти воины, и где взяли свое грозное оружие, не знает никто. Известно только, что они беспрекословно подчиняются вестфальцу. В Дерпте этот отряд называют не иначе, как небесным воинством, но говорят о нем с таким страхом, будто сам дьявол встал на сторону фон Берберга. Даже сам епископ Герман побаивается своих новых союзников.

– Ядвига, это все, что тебе удалось узнать?

– Извини, Вацлав, об Агделаиде в Дерпте ничего не слышно. Я специально расспрашивала Ирвина о даме сердца доблестного фон Берберга...

– И?

– Ирвин говорит, у вестфальского рыцаря вообще нет никакой дамы сердца. Фон Берберг прибыл в Дерпт лишь со своим оруженосцем, в сопровождении небольшого отряда ливонских рыцарей. Женщин среди них не было.

– Проклятье! – Бурцев застонал от бессилия. – Где он мог ее спрятать?!

– Да где угодно, – хмуро ответил Освальд. – Вацлав, смирись, Агделаиду не отыскать, пока мы не найдем самого фон Берберга. Только он в силах помочь тебе. Если, конечно, захочет.

– Не захочет – заставим, – решительно тряхнул головой Бурцев. – Ядвига, куда направляются крестоносцы?

– В Дерпте поговаривают, будто новгородский князь Александр Ярославич повел свои дружины к Пскову и Изборску – эти города еще в позапрошлом году немцы отбили у русичей. Наверное, ливонцы выступят навстречу новгородцам. А, может, уже выступили. Торопиться им нужно со своим походом, иначе до весенней распутицы не управиться. В болотах и грязи много ведь не навоюешь. А мажец-месяц² закончился. Кфечень³ уж на дворе.

– Распутица?! – пробормотал Бурцев. – Март?! Апрель?!

Надо же, он совсем потерял счет времени!

– Ага, весна, – мечтательно закатила глазки Ядвига. – Зима-то нынче в этих северных краях лютой оказалась. Не то что в прошлом году на юге, в Силезии. Тогда у нас рано травка полезла, а сейчас – снега лежат, как в люты-месяце⁴. Лед только-только подтаивать начинает.

Бурцева словно в студеную прорубь окунули. Лед подтаивает?! Елки-палки, да как же он мог забыть! До Ледового побоища считанные дни остались. Вот где следует ждать диверсии цайткоманды! Вот куда ударят эсэсовцы! И уж если фашики примкнут к немецкой «свинье» – не видать тогда победы Александру Невскому. Разобьют ливонцы русичей на Чудском озере. Оттяпают Новгородчину, а там, глядишь, и остальную Русь под себя подомнут. Что будет дальше – и предположить страшно. Вся история пойдет прахом. Если уже не идет. И где Аделаиду искать – непонятно. Между ним и дочерью Лешко Белого по-прежнему стоит треклятый вестфалец.

– По коням! Живо! – Бурцев первым вскочил на коня. – Нужно предупредить князя Александра. Примкнем к новгородцем, а уж тогда с фон Бербергом не разминемся.

Секунда – и под добжиньским рыцарем тоже скрипнуло высокое седло.

– Верно говоришь, Вацлав...

Ядвиге и Сыма Цзяну пришлось догонять.

¹ Прим: В данном случае речь идет не о стяге. «Знаменем» в феодальной войске называлось боевая единица из нескольких «копий». «Копьем» именовалась свита из вассалов, слуг, оруженосцев и стрелков, которую вел за собой на войну один рыцарь.

² Прим: март (польск.)

³ Прим: апрель (польск.)

⁴ Прим: февраль (польск.)

Глава 7

От Эмайыги свернули к урочищу Хаммаст. Оттуда – к поселению Моосте. Стороной прошли Мехикоорму. Диковинные названия эстонского приграничья между владениями братства Ливонского дома, дерптским епископством и новгородскими землями вызвали у перепуганных местных жителей. Те поначалу принимали их за немцев и едва языка не лишились от страха. Понятное дело: что прусские, что ливонские тевтоны были любезны и обходительны только со своими земляками – переселенцами из Германии. Аборигенов же на захваченных землях христовы рыцари ни в грош не ставили. Могли и зарубить под горячую руку, либо сжечь заживо. Просто – забавы и устрашения ради.

Роды, чьи вожди отрекались от дедовых богов, принимали немецкую веру, отдавали крестоносцам в бесправные холопы и подневольные вои своих людей, да откупались великой данью, еще могли рассчитывать на снисхождение. Остальным оставалось прятаться в глуши и уповать на оберегу лесных и болотных духов. Но не все чудины-эсты при виде незнакомых вооруженных всадников втягивали головы в плечи. Однажды их встретили стрелой.

Вылетела она из неприметного схрона в густом кустарнике. Ударила точнехонько в грудь Освальду. Да просчитался лучник: костяной, с частыми зазубринками, наконечник охотничьей стрелы не одолел доброй кольчуги двойного плетения, упрятанной под теплый плащ. Наконечник обломился и застряв в мелких звеньях.

Добжинец взвыл – не от боли, от гнева. Пришпорил коня. А из укрытия в кустах уже выпорхнул одинокий лыжник. Молодой – мальчишка еще. Волчья шуба, волчья шапка... Под серым мехом – копна длинных белобрысых волос. Лук в налучье – за спиной. Тул со стрелами – на бедре.

Широкие, подбитые прочной шкурой с лосиных ног лыжи скользили по насту легко, но спасти своего хозяина от всадника не смогли. Снег тут был не вязкий. А к лесным скачкам рыцарь-разбойник оказался привычен. Хоть и вел беглец преследователя за собой хитро – к веткам, что пониже, да поковарнее, поляк умело объезжал препятствия, не сбавляя скорости, уворачивался от растопыренных древесных лап, и мчал, мчал дальше.

Освальд настиг наглеца меж двух буреломов. Сбил лесного стрелка конем. Уж занес меч, да вовремя распознал неумелую брань на немецком. Понял, что немцев же и бранит молодой лучник. Добжинец опустил клинок. Захохотал, спешился, поднял вываленного в снегу молодого эста на ноги. Долго объяснял по-немецки, что сам не крестоносец и к германцам симпатии не питает. Нескоро, но вроде убедил. Привел за собой запыхавшегося лыжника, объявил тоном, не терпящим возражений:

– Пойдет с нами. Будет вместо Богдана.

Вейко – так звали горячего эстонского парня – промышлял в здешних местах охотой и не смог устоять перед соблазном подстрелить немецкого рыцаря, за которого принял Освальда. Причина для подобного поступка у мальчишки имелась: пару лет назад во время похода на Изборск крестоносцы вырезали всю семью Вейко. За то лишь, что его род посмел вести мену по мелочам с рыбаками-русичами, заплывавшими с противоположного берега Чудского озера: любая торговля с восточным соседом в орденских владениях каралась жестоко. Сам паренек спасся чудом. Когда пришли немцы, он как раз гостил у тех рыбаков на русской стороне.

По-русски, кстати, эстонец говорил заметно лучше, чем по-немецки, что весьма порадовало Бурцева. Правда, молодой лучник казался скрытным, нелюдимым и не по годам молчаливым, но для охотника-одиночки это, пожалуй, нормально. Главное, Вейко обещал провести их кратчайшими охотничьими тропками хоть до самого Пскова. А знающий проводник был бы сейчас неплохим подспорьем к карте фон Берберга.

– Пойдем через Моосту, – сказал Вейко.

Неторопливо, протяжно, смешно сказал. И в то же время серьезно, сурово, сердито даже. Почти как зрелый муж.

Бурцев предложил парню хотя бы на время сесть в седло. Эст презрительно сплюнул. Буркнул:

– Потом как-нибудь. И так уж засиделся, вас в засаде дожидаетесь. Размяться надо.

Деловито заскрипели по снежку лыжи на лоснящемся меху. Бурцев и Освальд, переглянулись, пожали плечами.

...К Моосте подъехали уставшие, замерзшие, злые. Не то чтобы мороз стоял лютый, но доконал мокрый липкий снег, поваливший сразу после встречи с Вейко. Все же весна-красна была пока только на календаре. А вокруг – мерзко, промозгло. И на душе не лучше.

Моостовскую деревеньку в пару дюжин дворов окружал старый покосившийся частокол. Бревна – облеплены снегом, заостренные концы прячутся под белыми шапками. Грубо прорубленные бойницы и широкие щели меж раздавшимся дрекольем забиты обледенелой коростой.

Шишных зверей, да, может быть, небольшую шайку лихих людей такая ограда остановит, но никак не воинский отряд. Странно как-то тут было. Не похоже, чтобы деревню кто-то разорял. Ни пожарищ, не трупов, ни проломов в оборонительном тыне. Впрочем, нет здесь и признаков жизни. Нет движения, нет следов на свежем снежке. Молчат вездесущие звонкоголосые детишки, безмолвствует скотина. Не слышно собачьего лая. Не видать дымов над круглыми отверстиями в низких – почти ровень с сугробами – тесовых крышах.

В Моосте царило запустение. Ворота... да какие уж там ворота – калитка частокола, в которую едва-едва пройдут крестьянские сани, распахнута. Обе створки плотно увязли в снегу. Давненько их не запирали. По всему видать: в леса подались жители деревеньки – пережить лихую годину. Тяжко, небось, и беспокойно жить сейчас простому крестьянину, да под немецкой пятой.

Перед открытыми воротцами слежался хороший плотный наст – копыта в снег не проваливаются, но и не разъезжаются по льду: скачи – не хочу. Хоть в полный галоп пускай лошадь по гладкой равнине. Поля, наверное, тут или лужок какой укрылись под белым покрывалом. Позади деревеньки тоже виднеется почти безлесая пустошь – только не такая плоская: более бугристая, холмистая, кочковатая с редкими деревьями – гниленькими, сухонькими и кривыми, да с чахлым болотным кустарником.

Путники раздумывали недолго. Чего думать-то: и людям, и коням отдых потребен, а какое-никакое человеческое жилье все же лучше, чем очередная ночевка в лесу – в снежной норе или под еловым шатром. Бурцев глянул на товарищей. Заснеженные усы Освальда висели понуро и безрадостно. Сам рыцарь смотрел вокруг хмуро, в седле сидел нахохлившись, что твой воробей. Ядвига куталась в теплый плащ добжиньца, да только вряд ли промокшая шерсть хоть немного согревала сейчас девушку. Сыма Цзян до самого носа натянул огромную шапку. Не сразу и поймешь, что азиат... Лыжник Вейко, так и не севший на лошадь – тот вообще едва передвигал ноги, хоть и пыжился изо всех сил, скрывал усталость. Нет, как ни крути, а передохнуть нужно. Бурцев первым направил коня к распахнутым воротам.

Двигались мимо приземистых покосившихся домиков осторожно, опасливо. Чудинские жилища – убогие, но для засад такие годятся, как нельзя лучше. Проехали шагом всю деревеньку. Снова уперлись в частокол. С этой стороны он был еще ниже и плоше – так себе, оградка от зверья. В нескольких местах тын прогнул и покосился, перекособочился от времени. Видно, беспечные хозяева не очень-то и боялись нападения с тыла.

Здесь тоже был вход. Лаз, точнее. Еще одна – теперь уж одностворчатая хлипкая калитка, без претензий на большее. И тоже распахнута настежь. А за калиткой... За калиткой тянулась стежка следов. Такие же следы сбегались к узкому выходу от ближайших домов. Или все моостовцы уходили из родной деревни гуськом и притом совсем недавно, или... Или сюда кто-то пришел!

Человек, до сих пор прятанный по ту сторону частокола, распрямился, поднялся в полный рост, шагнул в открытую калитку. Скуластое лицо, злые глазки-семечки, черные брови, редкие усики... Человек был в теплом тулупе поверх кожаного панциря. В железном шишаке с меховой оторочкой. С луком в руках. С натянутым луком. С мощным степным луком, от которого нет спасения.

Глава 8

– Пся... – изумлено выдохнул добжинец.

– Стоять, – тихо, сквозь зубы приказал Бурцев. – И молчать! Никому не дергаться!

Он лихорадочно прикидывал, кого из них выцеливает лучник и будет ли незнакомец в самом деле стрелять. Ядвига и Сыма Цзян послушно натянули поводья, остановили коней, замерли. Освальд все же потянулся за мечом. Вот тут-то все и произошло.

Боковым зрением Бурцев уловил движение. Из дверных проемов низеньких домишек выскакивали воины в теплых стеганых штанах и плотных боевых халатах, в доспехах буйволо-вой кожи, в островерхих колпаках, с саблями на боку, с луками за спиной, с веревками в руках. Посыпался снег с ближайших крыш – там, как оказалось, тоже таились люди. Всего в засаде сидело человек десять. Все пешие. На конях, пожалуй, можно было бы уйти, если б не...

Мелькнули в воздухе змеящиеся арканы. Петля из жесткого конского волоса захлестнула плечи и руки. Бурцев инстинктивно попытался сбросить веревку, да куда там! Сильный рывок... Он увидел собственные ноги, нелепо дрыгнувшие над конским крупом. Затем последовало неловкое болезненное падение. Грохнулся б об землю – расшибся бы, на фиг, но снег несколько смягчил удар.

– Алга! Тизрек!⁵ – орал лучник в шишаке из стали и меха. Вот кто здесь главный...

Тетиву стрелок так и не спустил. Спрятав оружие в наспинный чехол, он бежал к пленникам сам и подгонял своих воинов, вязнувших в снегу. Что ж, могло быть и хуже. Услышав знакомую речь, Бурцев перевел дыхание. Ошибки быть не могло. Наши... татары, то есть. Но все равно свои, родимые. Что они здесь делают – сейчас не важно, главное...

– Не сопротивляться! – громко крикнул Бурцев. По-польски – лишь бы рычащий от ярости Освальд понял. – Это не немцы!

Напрасно надрывал глотку. Сопротивление в их положении – нереально. Нападавшие повыдергивали арканами из седел всех четверых. В веревочной петле дергался, бился и сыпал проклятьями только Освальд. Ядвига – та больше визжала от страха. Сыма Цзян вообще не шевелился. Лежал молча, неподвижно. Шапка сползла до самого подбородка и о происходящем китаец мог только догадываться. Если, конечно, старик вообще не потерял сознание от неожиданного падения. А похоже на то...

Но Вейко? Где Вейко-то?! Опа-на! Да вот же он. Стоит себе как ни в чем не бывало, лыбится хмуро, недобро. И ведь ни один татарин эстонского лыжника не трогает. Так он что же, с ними заодно? Специально навел за засаду? Ну парень, ну, мать твою, Иван туды ж, растуды ж Сусанин...

Полонян вязали ловко и умело. Быстро, со знанием дела каждому впихнули в рот по вонючему кляпу. С Ядвигой, правда, вышел прокол. Недооценили степняки прыть легионно-кульмской девчонки. Улучшив момент, полячка ловко взбрыкнула ногами – свалила степняка с веревкой, извернулась змеей, выскользнула из ослабшей петли, вскочила... Предводитель кочевников заступил было путь, да куда там! В лучших традициях американского футбола девица протаранил татарина, отбросил в снег.

И со всех ног рванула к распахнутой калитке.

Кочевники потянули из-за спин луки и стрелы.

– Юк!⁶ – грозно взревел из сугроба вожак.

С чего бы это «юк»-то? Бурцев вытянул шею. Ага, вон оно что!

⁵ Вперед! Быстро! (татарск.)

⁶ Прим: Нет (татарск.)

К деревеньке по узенькой протоптанной стежке меж заваленными снегом рытвинами двигалась цепочка всадников. Ядвига тоже заметила новую опасность. Выскочив из Моосты, девушка свернула с тропки, побежала напрямик через неровную заснеженную пустошь к лесу. Бежала тяжело – проваливаясь все глубже и глубже, пока...

– А-а-ах! – донесся отдаленный вскрик.

И полячка по самые плечи ухнула в яму. Ловушка? Нет... всего лишь торфяник, присыпанный свежим снежком. И незамерзающий, притом, – из-под потревоженного белого покрова дынуло облако пара. Бурцев чертыхнулся. Болото ведь тут гиблое, непролазное даже в зиму – можно было и сообразить, почему моостовцы не огородились с этой стороны как следует.

Татары вытаскивали беглянку все тем же арканами. Вскоре Ядвига – грязная, взмокшая, перемазанная в густой вонючей жиже – крепко увязанным тюком лежала рядом с Бурцевым, а степняки выводили из укрытия – плохонького сарайчика возле деревенского частокола – низкорослых мохнатых лошадок. В узкую калитку, смотревшую на болото, влетел всадник. Резко осадил норовистого жеребца, закружил возле полонян. Взметнувшийся из-под копыт сырой снег сыпанул в лицо.

– Ай, молодец, Юлдус! – наездник довольно скалился татарину в шишаке. – Всех взял! Ловко взял!

Тот, кого называли Юлдусом, улыбнулся в ответ:

– Ага, всех четверых повязали, Кербет. Никто не ушел. Но за то Вейко спасибо – он их сюда привел.

Общались эти двое на вполне сносном русском, точнее – древнерусском. Что было весьма странно!

Молодой горячий конь так и плясал под Кербетом. Блестел конусовидный шлем, клепанный из двух частей. Длинная мелкокольчатая бармица закрывала затылок, уши, плечи, шею, горло и застегивалась под самым подбородком. На верхушке шлема развевались ленточки красного сафьяна, вдетые в маленькое колечко.

Весело звенел доспех. Кольчуга с разрезами в подоле, облегчающими посадку в седле, доходила до колен, рукава – до локтей. Воротник – высокий, жесткий, стоячий, благодаря вплетенным в проволоку кожаным ремням, являлся дополнительной защитой для шеи. На предплечье – двустворчатые наручи. Кисти рук прикрыты сафьяновыми перчатками, обшитыми железными бляхами и кольчужными звеньями. Маленький легкий круглый щит, которым в бою можно не только отражать вражеские удары, но и при случае хорошенько вдарить левой, болтался у седла. На боку висела длинная – больше ста сантиметров – сабля и кинжал с раздвоенной головкой рукояти. На плечах... Войлочная бурка, что ли? А что, плотная свободно висящая ткань – и от холода защитит, и рубящий удар вражеского клинка ослабит, отклонит в сторону.

Станный всадник со странным именем уверенно держал поводья. Джигит, ничего не скажешь! Причем в прямом смысле этого слова: нос с горбинкой, жесткие черты лица и колоритные усики выдавали в нем ... горца.

Бурцев проморгался. Снег с ресниц слетел, а орлиный профиль лихого наездника все также отчетливо вырисовывался на фоне неба. Ну, ведь, как пить дать, горец! Блин, надо же. Татары, да кавказцы... Что это за иностранный легион тут хозяйничает?!

– Кто такие? – Кербет еще раз объехал пленников. С насмешкой глянул на неудачницу-беглянку, с любопытством – на китайца. – Зачем направляются в псковские земли?

– А вот сейчас все и разузнаем.

Юлдус шагнул к Сыма Цзяну. Вытащил кляп. Спросил по-русски:

– Кто ты, старик? Ты не похож на немца.

Бурцев усмехнулся: «Не похож на немца!» Да уж, точно подмечено...

Китаец молчал. Вопрос повторили по-татарски. Китаец ответил.

– Моя Сыма Цзян, а твоя – дитя шакала! – брызнул слюной взбешенный уроженец Поднебесной.

Кляп немедленно всунули обратно.

– Этот понимает по-татарски, – радостно сообщил степняк. – Только бранится сильно. И что нам теперь с ними делать, Кербет?

– Вызвать, кто главный, остальных – зарубить. Со всеми возиться нет времени. Но самого важного полонянина нужно оставить для Домаша. А может, повезем к князю Искандеру. Поговори еще с кем-нибудь.

Освальд все еще рычал и дергался, Ядвига совсем сникла. Поразмыслив, Юлдус вытащил кляп изо рта Бурцева. А уж он вопросов ждать не стал. Заговорил сам, глядя в раскосые глаза прямо и твердо. Заговорил по-татарски. Без акцента – как на родном.

– У меня есть важная грамота, – четко произнес Бурцев.

Татары уставились на пленника в недоумении. На тюркоязычного воина Бурцев походил так же мало, как Сыма Цзян на германца.

Глава 9

– Грамота? – Юлдус склонился над ним. – Ты гонец?

– Охранная грамота, – уточнил Бурцев. – Она зашита в пояс.

Татары вокруг озадачено переглядывались. Юлдус внимательно смотрел на полонянина. Рука степного воина поглаживала сабельный эфес, Бурцев начинал нервничать. Ну же! Ну! Сейчас главное – сунуть под нос спасительную ксиву, иначе дело – дрянь.

– Немецкие грамоты тебя здесь не уберегут, – честно предупредил кочевник в стальном шлеме.

– Моя грамота дана не немцами.

Тратить время на дальнейшие разговоры заинтригованный татарин не стал. Вытащил из сапога нож, полоснул по кушаку Бурцева...

– Ух, ты! Золото! Красивенькое! – даже измазанная в болотной грязи и связанная с головы до ног Ядвига оставалась женщиной – любопытной и жадной до блестящих побрякушек.

Добжинец тоже не сдержался.

– Что ж ты нам-то ничего не сказывал о своем богатстве, а Вацлав? – в голосе рыцаря-разбойника слышался упрек и детская обида. – Нехорошо это, не по-товарищески – тайком носить золото в пояс. Или хранил его до последнего, а теперь надеешься выкупить у идолопоклонников свою жалкую жизнь?

– Умолкни, Освальд, – грубо оборвал поляка Бурцев. – Это не простое золото. Оно может сейчас спасти всех нас, если ты не будешь мне мешать.

Освальд обиженно хмыкнул. Отвернулся.

– Золотая пайзца?!

Кочевник в шлеме побледнел. Его архаровцы тоже притихли. В благоговейном почтении татары разглядывали блестящую пластину с ладонь величиной. На первый взгляд ничего примечательного: плоский овальный слиток с дыркой и утолщенными краями. Выгравированный на благородном металле сокол в полете, орнамент и письмена – тоже не шедевр ювелирного искусства. Однако эта грубая работа по золоту ввергла воинов степи в состояние ступора.

– Откуда она у тебя? – хрипло выдавил предводитель кочевников.

– От непобедимого Кхайду-хана, внука великого Темучина. Слыхал про такого?

– Ты посланник хана Кхайду?

Узкие глаза азиатов становились все шире.

– Я его друг. А люди, которые сопровождают меня – мои друзья. Так что делайте выводы...

Выводы татары сделали быстро.

– Их нельзя убивать, Кербет, – твердо заявил Юлдус. – У них золотая пайзца хана Кхайду – того самого, что разбил польские и тевтонские отряды в Силезском улусе.

Кербет нахмурился.

– Они могли просто захватить это золото у какого-нибудь ханского военачальника, а теперь морочат нам голову.

– Золотую пайзцу захватить непросто. Двум воинам, старику и женщине такое не под силу...

Татарин говорил убежденно и спокойно. Он не хотел конфликта, но, судя по медленно выползавшей из кривых ножен полоске обнаженной стали, готов был драться в случае необходимости. Взялись за сабли и другие кочевники.

– Да, возможно, эти люди лгут и тогда смерть их будет страшна. Но до тех пор, пока я не узнаю этого наверняка, все четверо находятся под защитой духа великого хана Темучина. Тот, кто причинит им вред, должен умереть. Не пытайся их убить, Кербет.

– Ты... Смеешь... Мне... Угрожать?

Кавказец вспыхнул. Его ладонь тоже легла на сабельный эфес. Свое оружие он не тянул медленно и демонстративно – вырвал сразу. Рука Кербета дрожала от ярости. Дрожь передавалась на металл. Бурцев отметил, что клинок у горца особый – увенчан граненым штыкообразным острием, вроде мизерикордии фон Берберга. Таким, оружием, наверное, удобно не только рубить с оттягом, но и колоть, разрывая кольчужные звенья.

– Я не хочу с тобой ссориться, иптэш, – миролюбиво улыбнулся татарин.

Кербет молчал. Но дышал тяжело и саблю не прятал. Кербет был зол и другом-иптэшем Юлдуса сейчас явно не считал.

– Ребята, уймитесь, – вмешался Бурцев. Теперь он заговорил по-русски. – А то перебьете друг друга, а нас и развязать будет некому. Кто, вообще, у вас тут главный?

И Кербет, и Юлдус в изумлении повернули головы к дерзкому пленнику-полиглоту...

– Воеводой у нас поставлен Домаш Твердиславич, – растерянно пробормотал татарин.

Мягкий стук копыт о снег окончательно разрядил обстановку: в деревню въезжали новые всадники. К поцапавшимся иноземцам спешил воин в богатом облачении.

– Эй, а ну, прекратить грызню! Кербет! Юлдус!

Грузный наездник в летах вклинил коня между спорщиками. Тяжелый прямой меч на боку, круглый червлёный щит на спине, в руке – длинное копьё. От блеска начищенного зерцала и позолоченного куполообразного шлема с козырьком и защитной стрелкой-наносником резало глаз. Алый плащ, закрепленный на плече золотой застежкой, трепыхался под щитом. Серебром отливала конская сбруя. Белела курчавая борода всадника – и вовсе не потому, что заиндевала от мороза: слишком много в той бороде оказалось седых волос. Немолодой уже вояка... Строгие глаза под густыми бровями смотрели внимательно и испытующе.

– Сталь в ножны! – пробасил незнакомец. – Живо!

Татарин ничуть не возражал против такого исхода. Горец исполнил приказ неохотно.

– Рассказывай ты! – обратился пожилой воин к Юлдусу. – О чем тут у вас спор с Кербетом?

Выслушал, крикнул досадливо, позвал:

– Вейко, ко мне!

Лыжник подбежал.

– Говори, кого в засаду привел?

– Орденских людей, как ты и просил, воевода. Лазутчики это, должно быть. Во всех селениях выспрашивали дорогу в Новгородские земли. Немецкий знают. Хотят скрытно и быстро пройти к Пскову. Говорят, из Польши идут и мыслят примкнуть к Александру Ярославичу. А вот зачем – толком объяснить не могут. Про девку какую-то брешут княжеского рода, да про воинов из другого мира сказки рассказывают. Плятгослоффи, в общем.

«Плятгослоффи»... Блядословцы то есть... лжецы... Странно было слышать это забортное, непривычное прибалту и потому смешно исковерканное чудинским акцентом древнерусское словечко в устах эста. Странно и обидно. Снова дернулся, запыхтел в веревках оскорбленный Освальд. На рыцаря Домаш Твердиславич даже не взглянул. Эст-чудин – тоже.

– А откуда у лазутчиков знак татарского хана?

– То мне не ведомо, воевода. Знака этого я прежде не видел, потому и не выспрашивал о нем.

Домаш задумался, потом обратился к Юлдусу:

– Значит так: развязать всех, но глаз с полонян не спускать. Ежели начнут бузить – зарубить, а пока спокойны – пусть живут. Коли других не добудем, повезем князю Александру этих.

Глава 10

Воевода отъехал к дружинникам. Юлдус остался. К нему и обратился Бурцев, когда тугие пути, наконец, спали с рук и ног.

– Слышь, иптэш, вы вообще кто такие?

Татарин усмехнулся.

– Разгон новгородского князя Искандера, – гордо ответил он. – Ведет нас брат посадника воевода Домаш, а посланы мы вперед, чтоб вызнать силы ливонцев, да привезти князю полонян.

– Хм, а Вейко?..

– Вейко у нас за проводника. Указывает путь через леса и торфяники, подсказывает, где засады устраивать, по всям окрестным под видом охотника бегаёт – узнает что, да как. Сам-то он из этих мест родом.

– Значит, наврал нам парень, что семью его крестоносцы вырезали?

– Почему наврал? Про род свой – правду сказал. Немцы всех до единого перебили, а паренек на русский берег подался. Домаш его к себе в отроки взял.

– Ну, а вас-то самих какая нелегкая занесла сюда из родных степей?

– Нелегкая? – Юлдус нахмурился. – Вообще-то, союзники мы. Русичи помогали нам в походах на польские и венгерские улусы. Теперь наша очередь. Как говорят здесь, на Руси, долг платежом красен. Вот Бату-хан – брат Кхайду – и прислал отряд отборных нукеров и стрелков на помощь иптэшу своему князю Искандеру... Сам ханский нойон Арапша нас привел. Я служу при нем десятником-унбаши.

Бурцев хмыкнул. Выходит, против крестоносцев вместе с Александром Ярославичем будут биться и татары? Забавно... Хотя... Союзники ведь, в самом деле, должны помогать друг другу. Если союз крепок. А тут с этим, похоже, все в порядке.

– А Кербет при ком служит? Он ведь не русич и не степной воин, так?

– Да, он с кавказских гор. Черкес. На воинскую службу в Твери поступил. Отличился бесшабашной храбростью, был возвышен, стал сотником. Тоже привел свой отряд к князю Искандеру и поставлен под начало Домаша.

– Черкес, говоришь? Хм, было б интереснее, если б он чеченцем оказался.

– Чеченцем?

– Это народ такой воинственный, тоже на Кавказе живет.

– Ну, может быть, Кербет и чеченец. Просто здесь всех пришлых из тех краев черкесами кличут.

– Вот как?

Больше Бурцев на эту тему вопросов не задавал.

– Тихо! – Юлдус вдруг вскинул руку.

Татары замерли. Дружинники Домаша и Кербета тоже поутихли. Бурцев прислушался. Низкий далекий гул... Знакомый, похожий... похожий на... Неужели? Он побледнел. Да не может того быть!

– В чем дело, Вацлав? – встревожился Освальд. – На тебе лица нет!

Ядвига звркала по сторонам, стараясь определить источник звука. Сыма Цзян испуганно втянул голову в плечи. Всадники хватали оружие, кони тревожно переступали с ноги на ногу. Звук нарастал. А потом...

– Крест! Знамение! Змей поганый!

Тишина умерла. Сразу, вдруг. Испуганные крики неслись отовсюду. Обнаженные клинки, копейные наконечники и просто пальцы указывали в небо. Кто-то читал молитву, кто-то крестился. Кто-то заунывно скулил.

Возникшая над лесом точка, действительно, издали напоминала и воспаривший к небесам крест и летящего дракона. Но точка быстро приближалась. Росла, раздавалась прямо на глазах, внушала ужас одним своим видом. И вряд ли кто-то, кроме Бурцева подозревал, на что способна такая птаха.

Нет, вовсе не ристалищное поле видели они в Дерпте за колючей проволокой. И не выровненный ипподром для зимних скачек. А-э-ро-дром – вот что! Взлетно-посадочную полосу, построенную цайткомандой на самой границе с русскими княжествами. Чтоб было, откуда взлетать винтокрылым машинам люфтваффе, переброшенным из будущего силой арийской магии.

Кто сказал, что платц-башни годятся для отправки в прошлое только живой силы? Ничего подобного! Если в цайт-прыжок можно захватить «шмайсер», почему бы не взять с собой и боевую технику? Центральный хронобункер СС, наверняка, достаточно просторен, чтобы вогнать туда небольшой военный самолет. А башня перехода в Дерпте... Она ведь давным-давно разрушена, и межвременной портал открывается нынче в просторном куполе над древними руинами. Следовательно, стены, коридоры, лестницы и низкие своды арийской постройки уже не воспрепятствуют материализации боевой машины с приличным размахом крыла. Вот фон Берберг и обеспечил своему крестовому походу поддержку с воздуха!

Замысел удался на все сто... На сто девять... «Мессершмитт-109» с фашистскими крестами на крыльях заходил в атаку над перепуганными воинами новгородского разгона. Самолет летел низко, за малым не касаясь брюхом верхушек елей: так удобнее расстреливать столпившихся внизу всадников. Уже можно разглядеть угловатый фюзеляж и бешено вращающийся винт. Пушки на крыльях и пулеметы в носовой части истребителя, правда, еще молчали. Но скоро заговорят и они.

– Это что, какая-то магическая птица? – допытывался Освальд.

– Хуже! – выдохнул Бурцев.

И заорал во всю глотку:

– Воздух! Ложись!

Кричал он по-русски, однако и Сыма Цзян, и Освальд, и Ядвига все поняли правильно. Китаец и полячка бухнулись в снег у ближайшего дома почти одновременно с Бурцевым. Добжинец чуть замешкался, но мгновение спустя тоже неловко растянулся рядом. Стена убогой крестьянской хижины и неглубокая канавка под ней – не ахти какое укрытие, да другого-то нет!

Спешились и залегли еще пара воинов Юлдуса. Остальные медлили. Кто-то в шоке пялился на приближающуюся крылатую смерть, кто-то разворачивал быстроногих коней...

Спасти надо... Спасти хоть кого-то! Но тут, блин, нужны особые методы убеждения. Бурцев поднял высоко над головой свою золотую пайзцу, крикнул по-татарски – строго, как и подобает обладателю ханской наградной пластины:

– Лежать! Именем великого Темучина! Волею извечного Тенгри и всемогущей Этуген!

Степняки расторопно полезли с седел.

Пилот ВВС цайткоманды нажал на гашетку.

«Мессер» открыл огонь.

Гром, раздавшийся среди ясного неба, заглушил и вой атакующего штурмовика, и вопли людей, и лошадиное ржание. Фонтанчики холодного снега, горячей крови, разорванных кольчужных звеньев и щепы прошитых насквозь моостовских домишек наметили старухе с косою путь по брошенной деревне. И старуха пошла, поскакала вприпрыжку по указанному форвартеру. Своим ржавым, но безжалостно острым орудием сегодня она махала от души.

Глава 11

Для пушек дела не нашлось. Живые мишени внизу, хоть и обвешались металлом с ног до головы, были все же ну очень легкобронированными, и экономный летчик люфтваффе ограничился пулеметами.

Но грохот стоял адский. Кони перестали повиноваться всадникам. Всадники под пулеметным огнем сначала теряли разум, потом – жизнь. Пули сшибали дружинников с седел, валили в утопанный красный снег лошадей. Незримость смерти пугала пуше самой смерти. Живые и пока невредимые воины от ужаса кричали громче раненых. Раненые боялись шевельнуться и замирали в оцепенении, подобно убитым. А умирающие в пробитых доспехах и с развороченными внутренностями сучили в предсмертной агонии ногами, словно стремясь бежать вслед за живыми.

Все это длилось считанные секунды. Доли секунд... Но до чего же долго тянулись эти мгновения.

Стрельба прекратилась, по барабанным перепонкам ударил рев самолета. Ударил, бросил в снег стоявших еще на ногах и сидевших в седлах. Брюхо фюзеляжа и крылья с крестами пронеслись, казалось, над самыми головами. Оглушив, ошеломив, раздавив, расплющив, полностью лишив воли и рассудка.

Эта психологическая атака оказалась даже более действенной, чем обстрел. Взбесившиеся кони с диким ржанием металась между домами, давя всех и вся на своем пути. Некоторые волочили запутавшихся в стременах всадников. Некоторые – собственные потроха. Люди рвались к узкой калитке. В давке карабкались через низкий частокол. Каждый стремился поскорее покинуть страшную деревню. Слово за ее пределами можно было сейчас найти спасение.

А «Мессершмитт» уже делал новый заход. Ему оставалось лишь добить вконец обезумевшего врага. Самолет снова шел низко и на этот раз летел с противоположной стороны.

– Адово исчадие! – в ужасе кричали русичи.

– Сихер! Жин усал!⁷ – вопили татары.

– Лежать! – надрывался Бурцев, – Всем лежать, мать вашу! В укрытие!

Его не слушали. Люди поднимались и лезли на деревенскую ограду. Домаш и Кербет – пешие, заляпанные не то своей, не то чужой кровью – еще пытались образумить воинов, пытались построить для боя... Глупцы! Воевать с самолетом!

Две или три стрелы все же полетели навстречу штурмовику. Не долетели. «Мессер» ответил длинной очередью. Ударил точно в толпу. И толпы не стало.

Люди снова валились друг на друга. Сыпались с тына. Скользили в крови. Снова самолет утюжил Моосту. Снова дружинники Домаша и Кербета катились по снегу, словно сбитые кегли.

Заложило уши, а Бурцев все кричал:

– Лежать, где лежите!

– Ле-е-ежать! – пробасил Домаш.

Неужели дошло?

– Лежать! – вторил Кербет.

Ну, наконец-то...

В этот раз не поднялся никто. То ли верили дружинники своим командирам безгранично, то ли силы окончательно покинули уцелевших воинов. Третью очередь пилот выпустил без особой нужды: вряд ли он мог отличить среди распластанных тел живых от мертвых. Зато коней летчик пострелял почти всех. Вероятно, просто так – из спортивного интереса.

⁷ Прим: Колдовство! Злой дух! (татарск.)

Снова оглушительный рев пронесся над деревней. Потом рев превратился в отдаленный-отдаленный гу-у-ул...

Бурцев поднял голову, стряхнул снег с волос. Все! Авианалет закончен. «Мессершмитт» снова становился едва заметной точкой на горизонте. И возвращаться, кажись, больше не собирается. Пока не собирается.

– Опять невидимые стрелы? – Освальд перекрестился.

Рука добжиньца дрожала.

– Опять, – кивнул Бурцев.

Ему тоже было не по себе.

Сыма Цзян и Ядвига приподняли головы. Живы... А остальные? Вокруг – по всей деревне валялись недвижимые тела. Неужели poleg весь отряд Домаша? Нет. Когда гул стих окончательно, Бурцев начал замечать слабое шевеление. Слишком слабое... Немногим, очень немногим посчастливилось пережить воздушную атаку.

Люди поднимались, испуганно смотрели вверх, озирались по сторонам. Ошеломленные воины медленно приходили в себя. Бурцев прикинул потери. Убитых, раздавленных, затоптанных – больше половины. Среди уцелевших – две трети раненных. Много тяжелых.

Юлдус подволакивал простреленную ногу. Воевода Домаш Твердиславич морщился от боли: ему перевязывали левое плечо. Вейко сам обматывал кровоточащую ладонь. Кербет удивлено пялился на пробитый кавказский шлем-танж и машинально утирал снегом красные струйки со лба. Повезло черкесу – пуля прошла по черепу вскользь, только кожу ободрала.

Лошадей осталось десятка два. Все – напуганные, нервные. Прядают ушами, косят глазом, раздувают ноздри. У многих порвана сбруя, седла сбиты набок.

Кровь была всюду, кровь была почти на всех. Однако недавние пленники Юлдусовой засады не пострадали: Бурцев вовремя выбрал для себя и своих спутников более-менее укромное местечко. Вот и отлежались благополучно. Остальные-то падали, где придется. Об укрытии мало кто думал.

Домаш приказал заняться лошадьми и тяжело ранеными. Потом подошел к Бурцеву. Оправил набухшую повязку, глянул, хмуро...

– Тебе знаком этот летающий змей?

Бурцев кивнул.

– Что означают кресты на его крыльях? Он заодно с немцами?

Еще один кивок.

– И много у ливонцев таких... гадов?

Бурцев пожал плечами:

– Мне это неизвестно.

– Жаль... Если эти летающие огнедышащие твари выступают на стороне ливонцев, мечами и копьями одолеть их будет непросто.

Непросто? Оптимист этот Домаш... Бурцев промолчал. Вообще-то, он подозревал, что с «тварями» мечи и копья не совладают вовсе. Самолет цайткоманды клинком на лету не перерубить, копьем не сшибить, да и стрелами его не больно-то закидаешь.

– Значит, так... ты, – палец Домаша ткнулся в грудь Бурцеву, – поедешь к князю Александру Ярославичу. Расскажешь все, что тебе известно. Коня тебе дадут.

– Без них, – Бурцев кивнул на своих спутников, – я никуда не поеду.

– Хорошо. Может статься, и им будет, о чем поведать князю. Юлдус!

Татарин подъехал на низкорослой лошадке – посчастливилось-таки спастись степной кобылице. Лук кочевника – в наспинном саадаке, стрелы – в закрытом колчане. В руках – копьё с крюком и бунчуком из конского хвоста. Нога Юлдуса уже перевязана. Причем, в седле сидеть опытному кочевнику рана ничуть не мешала.

– Сколько у тебя осталось воинов? – поинтересовался Домаш.

– Пятеро могут сражаться. Еще один при смерти.

– Бери этих пятерых, бери Вейко в проводники и веди полон... гостей наших веди к Именьскому урочищу – к Мехикоорме. Туда как раз подступает сейчас из Пскова войско Александра. Вы должны встретиться с князем. Поедите через торфяники, потом – лесами, самыми короткими тропами. Двигаться скрытно, но быстро.

– А как же вы?

Домаш Твердиславич сдвинул брови:

– Мы останемся здесь. У меня слишком много раненых и слишком мало лошадей. Далеко нам все равно не уйти.

– Но если немцы...

– Тогда будем держать оборону в Моосте, – жестко оборвал воевода. – Сколько сможем, столько и продержимся. Даст Господь – немцы пройдут стороной. Или подмога от князя Александра подоспеет.

Немцы стороной не прошли. И помощи остатки разгона Домаша и Кербета не дождались.

Глава 12

Небольшой отряд – пяток татарских лучников под предводительством Юлдуса, лыжник Вейко, севший на этот раз в седло, Бурцев и его спутники – едва-едва успели выйти из деревни. Переваляли небольшую гряду с редкими чахлыми и кривонькими березками, когда опять началось... Тишину леса вновь нарушил зловещий гул.

«Мессер» возвращается? Нет, звук иной – глухой какой-то, надсадный, с металлической лязгцей... Татарские всадники, наученные горьким опытом, заранее сползли с седел, привязали коней к березкам и испугано всматривались в небо. Да только не там шприт глазами Юлдус со товарищами. Бурцев тоже спешился, вытащил из седельной сумки бинокль фон Берберга, вернулся к пройденному невысокому холмику, залег на вершине...

Все верно! Не вверх пялиться надо, а ниже. Туда, где уже пришел в движение молодой ельник. Где многотонная махина подминала под себя хрупкие деревца, где сыпался от тяжелого рокота мотора снег с хвойных лап. Где выползал из леса новый дракон, новая змеюка в крестах.

Танк!

Бурцев сплюнул. Ну, конечно! Если в прошлом у немцев появились люфтваффе, почему бы не забросить туда и панцерваффе? Цайткоманда действовала по всем правилам военной науки. Сначала авианалет, теперь вот добивающий танковый удар. А за танком...

Бронированная машина припечатывала снег, оставляя позади глубокую колею. Следом тархтели два мотоцикла с колясками. Гитлеровцы в эсэсовской форме с сосредоточенными лицами тряслись по примятому гусеницами бездорожью. На груди мотоциклистов болтались «шмайсеры». Над люльками торчали в турелях пулеметные стволы.

Ну, точно, как в старом добром кино про фашистов! Вот только замыкали процессию не эсэсовцы и не солдаты Вермахта. Полусотня закованных в броню орденских братьев с оруженосцами ехала в арьергарде. Непривычные к новому походному порядку рыцарские кони воротили морды от вонючих выхлопов, но, повинувшись острым шпорам наездников, все же покорно шли по пробитой колее. Тяжелые подкованные копыта дробили и затапывали следы мотоциклетных шин и гусеничных траков.

Блин! Так сразу и не скажешь, что смотрится более дико: танк с мотоциклетками на фоне средневековых рыцарей, или ливонская конница, плетущаяся в хвосте моторизированной цайткоманды. Впрочем, одно общее сходство у этой бредовой ударной единицы, несомненно, имелось. Кресты: черные тевтонские на белых плащах и щитах. И черные фашистские, с белой окантовкой, на танковой броне и мотоциклетных колясках. Да, ребята все-таки нашли друг друга... Сквозь тьму веков дотянулись, сцепились крестами. Союзнички, мля!

Рядом скрипнул снег – к Бурцеву подползали остальные. Осторожно поднимали головы над невысокой грядой, смотрели, разевали рты.

Танк приближался к деревне. Все понятно: пилот «Мессершмитта» сообщил по радиации об обнаруженном скоплении противника и попросил разобраться. Вот и рвется в драку бронированная махина. Прет напролом – через кусты, деревья и сугробы, оставив далеко позади «группу поддержки». А чего бояться танку в тринадцатом веке? Не копий же и мечей, в самом деле? Такой машине даже стрелять сейчас не нужно – намотает, нафиг, любого противника на гусеницы вместе с кольчужкой – и дело с концом!

Танк ревел, танк приближался.

– Сихер!⁸ – возбужденно прошептал Юлдус – Алтасты!⁹ Качабыз!¹⁰

⁸ Прим: колдовство (татарск.)

⁹ Прим: чудище (татарск.)

¹⁰ Прим: Бежим (уходим) (татарск.)

– Смок?¹¹ – голос Освальда дрожал. – Странно, вообще-то, раньше драконов я представлял себе иначе.

Бурцев молча изучал вражескую бронемашину. Любопытный экземпляр. Для тяжелого «Тигра» маловат и легковат. Да и для средней «Пантеры» тоже. Хотя некоторое сходство с «Пантерой» все же имеется. Только попроворней этот «малыш» будет и маневренней. И скорость у него повыше. Помнится, фон Берберг рассказывал о разведывательном танке серии «Лухс» – «Рысь», найденном немцами под развалинами Взгужевежи. Уж не это ли самое чудо откапают фашики на польской земле семь веков спустя? Похоже на то...

Бурцев смотрел. Танк ехал. Большие опорные катки, расположенные в шахматном порядке. Широкие гусеницы, обеспечивающие неплохую проходимость. Дополнительные баки с горючим. Высокий корпус, небольшая приплюснутая башенка, антенна над люком, короткоствольное орудие. Калибр невелик – два сантиметра. Ну, и пулемет, разумеется. Вес – тонн десять, может быть, немного больше. В общем, категория легких танков. Правда, «легкость» для подобных машин – понятие относительное. Особенно здесь. Особенно сейчас.

Броня на вид приличная, но не супер – рассчитана на выживание после попаданий бронбойных снарядов малого и среднего калибра. Так ведь и бить из крупнокалиберных орудий по танку в тринадцатом столетии некому, а стрелы и ядра катапульта ему – что комариные укусы. Зато вот движок – мощнее не нужно. И скорость обеспечит, и по бездорожью протащит. И ходовая часть надежная. Вооружение, правда, у «Рыси» не столь впечатляющее, как у более тяжелых «кошачьих» собратьев из фашистских панцерваффе. Однако для нужд цайткоманды большего, наверное, и не требуется. Даже при штурме замков и городов. Пробить брешь в стене или высадить ворота в крепости, до сих пор не нюхавшей пороха можно и скорострельной 20-миллиметровкой, а 7,92-мм пулемет запросто выкосит со стен всех защитников. Кроме того, при необходимости сам танк можно использовать в качестве тарана.

Что, по-видимому, и намеревался сейчас продемонстрировать экипаж «Рыси». До Моосты оставалось совсем ничего, а танкисты не сделали еще ни единого выстрела. Небось, предвкушают свою излюбленную забаву – давить по живому гусеничными траками.

И ведь есть, есть кого давить-то! Бурцев громко и витиевато выругался. Десяток всадников выезжал за частокол – на обширную пустошь перед эстонской деревенькой. Нет, они и не думали спастись бегством. Они готовились принять бой... Бой с танком! Безумству храбрых, короче, поем мы... Он крикнул от досады. Траурные марши петь придется. Ибо после подобных кавалерийских наскоков на бронированные машины не выживают.

– Сумасшедшие!

– Храбрецы! – возразил ему Освальд. – У этих русских рыцарей душа истинных шляхтичей!

– Да на что они рассчитывают, эти «храбрецы»?!

– Ясно же, как божий день, Вацлав: хотят напасть на дракона, пока он не взлетел. Хотят защитить деревню и уберечь своих раненных от лютой смерти.

Невероятно! Воины, что совсем недавно в панике разбегались от атакующего «Мессершмитта», теперь демонстрируют чудеса бессмысленного героизма. Устыдились былого страха? Или, быть может, прав Освальд: все дело в том, что неведомый противник на этот раз движется по земле и от того кажется более уязвимым, чем в воздухе. Возникает иллюзия, будто «дракона» можно достать в рукопашной схватке. Наслушались, видать, наивные дружинники Домаша сказок о славных победах былинных богатырей над погаными змеями. Теперь сказочки те боком выйдут!

Безумцы уже послали коней в галоп. Теперь точно никого не остановить! Впереди во весь опор несутся, Домаш с Кербетом. Русский воевода удерживает раненой левой рукой круглый

¹¹ Прим: согласно польской легенде, Смок – дракон, убитый основателем Кракова князем Краком

щит и поводья. В здоровой правой – древко копья. За спиной огнем реет алый плащ. Отчаянный черкес мчит навстречу танку с непокрытой перевязанной головой. Не пожелал джигит ни на что менять пробитый пулей шлем-танж и жаждет джигит реванша. Сабля в руке Кербета так и пляшет, блестит на солнце маленький, будто игрушечный, щит.

За воеводой и горцем следовали отборные дружинники. Не израненные, уцелевшие при налете «Мессершмитта». Ровно столько бойцов, сколько оставалось еще лошадей в отряде Домаша. Все сейчас под седлом – все до единой. На глазах животных – шоры. Уши закрыты плотными тканевыми колпачками. Чтобы не пугались «драконьего» вида и рыка, надо полагать. Чтоб не чувствовали ничего, кроме шпор, терзающих бока и жесткой узды, рвущей пасть. Чтобы резвее переставляли копыта. Чтоб неслись вперед и только вперед. Скакать по плотному насту было удобно. И в свой последний бой этот десяток всадников вступал как на парад.

На конях – расшитые попоны и блестящие стальные налобники. За спинами дружинников – червленые плащи. Сияла дорогая броня. Словно она могла защитить от пуль и снарядов... Над небольшой группкой развевался стяг с изображением святого лика. Полотнище трепетало на ветру – Бурцев так и не разобрал, на покровительство какого небожителя рассчитывали бойцы.

Глава 13

Эту дерзкую вылазку пресекла бы одна-единственная пулеметная очередь. Но танк по-прежнему молчал. Не стреляли и мотоциклисты. Заглушив моторы, они с любопытством наблюдали за сближавшимися противниками. Сигнали коней с танковой колеи и выстроились в линию ливонские рыцари. Никто не желал пропустить диковинное зрелище. Никто не мешал турниру, победитель которого был известен изначально. Да, можно себе представить, с какими ухмылочками прильнул сейчас к перископам экипаж бронированной машины.

До столкновения оставались считанные мгновения. Затаив дыхание, прильнув к биноклю, Бурцев молча ждал неизбежного. Ждал Освальд. Ждал Сыма Цзян. Ждал Ядвига. Ждал Вейко. Ждали Юлдус и его лучники.

Первым удар нанес Домаш. На полном скаку воевода вогнал копьё куда-то под орудийный ствол. Будь это броневой заряд, немецкой «Рыси» снесло бы, на фиг, башню. Но хрупкая палка с железным наконечником не причинила вреда бронированному зверю. Копьё переломилось. Всадник не успел свернуть с пути разогнавшейся машины.

Они видели вставшего на дыбы скакуна, видели падающего воеводу. А потом и конь Домаша Твердиславича с пронзительным ржанием повалился наземь. Еще мгновение – и человека, и бьющееся животное накрыли гусеничные траки. Танк чуть спружинил, подпрыгнул на мягком. Позади остались кровавые ошметки. Гусеницы и снег вокруг окрасились красным.

Кербет атаковал с фланга. Взвизгнул, что было сил рубанул с наскока по стальному корпусу. Добрый кавказский клинок разломился надвое. Танк вильнул в сторону, успел вскользь зацепить всадника бортом.

Оцарапанный конь Кербета шарахнулся прочь: сбруя — в клочья, шоры сползли с глаз. Сам наездник с раскроенной до колена ногой не удержался в седле. Упал, запутался в стремени, поволочился за обезумевшим животным. Кербетов жеребец мчался в объезд деревни — туда, где за конной атакой на танк наблюдали Бурцев и его спутники. Повязка на голове Кербета разматалась, окровавленная голова безвольно болталась у задних копыт. Застрявший в стремени горец не подавал признаков жизни.

А танк тем временем разметал остальных воинов. Бронированной грудью, без единого выстрела. Рухнул стяг: знаменосца вместе с лошастью подмяли скрежещущие гусеницы. Так же храбро и нелепо приняли смерть и бойцы, в отчаянии бросавшиеся с мечами и копьями на железную «Рысь».

Все. Кончено. Оставшиеся в Моосте воины спешно закрывали ворота. Наивняк! Ни деревянная калитка, ни хлипкий частокол не остановят разогнавшуюся многотонную махину.

Несколько стрел вылетели из-за тына, царапнули по броне. А толку-то?! Танк с ходу снес воротца и добрый кусок частокола. Полетели бревна, доски, щепки, пали люди, оборонявшие проход. «Рысь» хищно закружила, заметалась по деревне, круша убогие постройки, настигая бегущих, давя раненых, наматывая на гусеницы убитых. Только сейчас — впервые за все время танковой атаки — лязгнул пулемет. Короткие вспышки, грохот выстрелов... Упругое эхо докатилось до далекого леса, отразилось от сплошной стены мрачных пустокронных еще деревьев, вернулось обратно.

Экипаж сбивал пулеметным огнем тех, кто успел перелезть через частокол, отсекал путь к бегству остальным. Пули настигла и коня Кербета, взбравшегося уже до снежной гряды, за которой укрылся небольшой отряд наблюдателей. Умное животное, словно чувяло, где искать спасение: жеребец скакал к людям по протоптанной меж заснеженными торфяниками стежке. Но не доскакал. Совсем чуть-чуть не доскакал.

Пулеметная очередь рассекла гриву, перебила позвонки и шейную артерию, вырвала клочок мяса. Подстреленный конь свалился в снег. В белое фонтаном ударило красное. Бурцева и

всех, кто лежал рядом, тоже окропило теплым и липким. Заколотили по воздуху копыта. Звякнула длиннополая кольчуга всадника, что по-прежнему висел на стремени, мотнулась неприкрытая шлемом окровавленная голова.

Бурцев опередил всех. Юркнул под прикрытие конской туши, рубанул мечом по стременному ремню, высвобождая ногу бездыханного Кербета. Рванул обмякшее тело на себя. Вытащил-таки черкеса из-под обстрела...

Пустое... Кербет не шелохнулся. Кербет был мертв.

– Нет, жив, – уверенно сказал Юлдус. – Сердце бьется. В седло сядет.

Кербет, в самом деле, вдруг вздрогнул всем телом, застонал, пошевелился. Открыл глаза. Попытался даже подняться.

– Да лежи уж, джигит, – Бурцев стер лошадиную кровь со лба и щек. Снова глянул на деревню. Там все еще бесновалась машина смерти.

– Вацлав, – Освальд повернул к нему побледневшее лицо. – Это ведь вовсе не дракон, да?

– Да.

– Что же тогда?

– «Рысь», – коротко ответил Бурцев.

– Рысь? Рысь – это такой зверь, как волк, медведь...

– «Рысь» – это такой танк, Освальд.

– Танк?!

– Медведь?! погоди, ты сказал медведь?

Бурцев встрепенулся. Случайное упоминание о косолапом хозяине леса заставило его внимательнее оглядеть немецкие ряды. Как же он не подумал раньше?! В этой смеси моторизованной цайткоманды и ливонских рыцарей может ведь оказаться и фон Берберг. Если вестфалец здесь, ничто – даже танк – не остановит Бурцева. Уж он-то найдет способ добраться до штандартенфюрера и выведать, где, в какой темнице заточена Аделаида.

Но нет, геральдических медведей не было. Были люди, были кони, были мотоциклы, была бронированная «Рысь». И всюду сплошь кресты. Не фон Берберг ведет этот отряд. Разве что... Что если вестфалец прячется в танке? – Нам уходить надо, – Юлдус тронул его за плечо. – Домаш приказал ехать к князю Искандеру.

Бурцев покачал головой.

– Я не хочу уходить с пустыми руками.

– Что?

– Мне нужен пленянин, Юлдус. До зарезу нужен.

Глава 14

Даже бесшабашный рыцарь-разбойник Освальд посмотрел на него, как на умалишенного:

– Вацлав, та штука, которую ты назвал танком, уже погубила русскую дружину и стерла с лица земли целую деревню. Как ты хочешь полонить человека из войска, которое держит при себе такого зверя?

– Это не зверь, Освальд, а всего лишь самоходная повозка, железная колесница... Внутри сидят обычные люди. Те, что управляют ею и стреляют невидимыми стрелами. Если их выманить наружу...

– Ты, верно, совсем спятил, Вацлав...

– Пора нам, пора, – твердил свое Юлдус. – Когда этот ревущий демон перебьет оставшихся, он погонится за нами. А у нас на руках раненный Кербет, и под снегом вокруг полно торфяных ям. Даже Вейко не сможет быстро увести нас отсюда.

– Правда? – улыбнулся Бурцев. – Вот и славно!

Перед его мысленным взором уже стояла Ядвига, проваливающаяся под снег.

– Вейко, где тут поблизости яма побольше и поглубже?

– Да вон одна – прямо перед нами, только что ее обошли, – эст указывал на ложбинку под укывшим их гребнем.

Надо же! Незнающий человек и не разберет, что здесь таится смертельная опасность.

– Отсюда не выберется ни пеший, ни конный, – заверил проводник. – Болото на дне этой ямы не замерзает даже в лютую стужу. Но зачем тебе это?

– А тот вон немецкий железный «дракон» выберется? – ответил Бурцев вопросом на вопрос.

– Хочешь заманить его в ловушку? – лицо молодого чудина просветлело. Потом – посурило. – Но ведь драконы умеют летать. Когда змей расправит свои крылья...

– Уверяю тебя, Вейко, у этой твари крыльев нет и летать она не может. Плавать, кстати, тоже.

Насколько помнил Бурцев, у гитлеровцев во время войны вообще была напряженка с плавающими танками. «Рысь», по крайней мере, к таким явно не относилась. Если машина увязнет и начнет тонуть в болоте, у экипажа будет лишь один путь к спасению – через верхние люки. И тут уж главное – не зевать.

– А вдруг чудовище плюнет в нас огнем и громом прежде, чем подползет к яме?

– Не плюнет...

Вообще-то твердой уверенности в этом у Бурцева не было. Но некоторые соображения имелись. Дождавшись, когда танк развернется к ним кормой и двинется уютить несчастную Моосту в противоположном направлении, Бурцев процедил сквозь зубы:

– Прячьтесь все, живо.

Уговаривать никого не пришлось: его спутники мгновенно вжались снег.

– Юлдус, дай-ка мне свое копыце, – Бурцев протянул руку.

– Зачем? Ты все равно не сможешь проткнуть шкуру этого ашдаха.¹²

– Давай, говорю. Есть у меня ханская пайзца или нет?!

В ладонь Бурцева легло отполированное древко. Обычное татарское копыце – с крюком для стаскивания всадников, с сигнальным бунчуком... Вот этот-то пышный, отяжелевший от влаги конский хвост он и намеревался сейчас использовать.

Бурцев набрал в грудь побольше воздуха, заставил себя подняться из укрытия...

¹² Прим.: дракона (татарск.)

– Куда? – выдохнул Юлдус.

Он не ответил. Некогда! Пока внимание немцев приковано к деревне и танку-убийце, а экипаж боевой машины не поймал его в перископы прицелов, нужно действовать. Быстро, быстро, еще быстрее... Он перемахнул через снежную гряду, подкатился к коню Кербета. Сраженное пулеметной очередью животное не шевелилось, но кровь из перебитой артерии еще растекалась горячим, дымящимся пятном.

Вот в эту кровавую лужу он и сунул копейный бунчук. Оружие стало кистью. Бурцев мазнул красным по белому. Раз, два, три: вдоль, вдоль, поперек. Огромная угловатая латинская «Н» заалела на заснеженном склоне – такую буковку будет хорошо видно и из Моосты, и из подлеска, где толпилась ливонско-эсэсовская рать.

Снова конский хвост окунулся в конскую кровь. Следующий мазок. И точка сверху. Рядом с первой литерой появилась вторая —гигантская скошенная «I». Ладно уж, сейчас не до каллиграфии. Бурцев торопился, писал резкими размашистыми штрихами, щедро разбрызгивая вокруг алые капли. Еще одна длинная продольная черта, и поперечная вверху – короче. Вышел усеченный крест, какой нашивают на свои коты орденских сержанты, полубратья и кнехты – вышла буква «Т».

«Краски» было предостаточно – на этот счет он не переживал. Мертвый конь все еще истекал кровью. Но вот время... Времени мало. Прямой угол с красными потеками и кляксой на конце сошел за «L». Вертикальная черта с тремя зубцами – за «E». Успеть... только бы успеть... Непозволительно долго пришлось повозиться с «R».

Он глянул назад, через плечо. Танк разворачивался. Мотоциклисты указывали пальцем на кровавую надпись и писца-копейщика, что-то кричали друг другу. Бурцев продолжал. Успеть! Успеть! С привычной кириллицей, возможно, дело пошло бы быстрее. Но зато латиница, которую он выбрал для своего замысла, вернее примет цайткоманду.

Бурцев даже не стал делать отступа между словами. Писал, не задумываясь о возможных ошибках. Тут, блин, не до жиру – и так разберут, фашики треклятые. Он уже заканчивал последний слог, когда вдали затарахтели мотоциклы, а танковая башня уставилась на кровавые росчерки орудийным стволом. Неужто, в самом деле, вдарят?

HITLERKAPUT

Успел! Гигантские красные буквы на пологом склоне вышли корявыми, смазанными, но вполне читаемыми. Получилось то, что нужно: коротко и сердито. И понятно! Если в экипаже «Рыси» – сплошь горячие головы и полные идиоты, обидчика своего обожаемого фюрера танкисты расстреляют без разговоров. Лупанут враз из пушки и пулемета, чтоб уж наверняка... Чтоб ни от самого каллиграфа, ни от его крамольной надписи следа не осталось.

Только вряд ли в состав цайткоманды фашисты набирали несдержанных невротиков. Толковых бойцов – да, отпетых интриганов, вроде фон Берберга – да, безжалостных садистов, испытывающих человеческую плоть на прочность танковыми траками – да. А вот тупому пушечному мясу, что сначала стреляет, а потом думает – место где-нибудь на передовой Восточного фронта. Для выполнения же деликатной и ответственной миссии по перекраиванию истории разумнее посылать людей думающих, способных быстро принимать нестандартные решения в нестандартных ситуациях.

Воин в средневековых доспехах, выводящий окровавленным копьём антигитлеровскую надпись – ситуация нестандартная. На месте диверсантов цайткоманды Бурцев, во что бы то ни стало, взял бы такого умника живым. Хотя бы для того, чтобы выведать, откуда в тринадцатом веке известно о фюрере двадцатого? Немцы, кажется, решили действовать так же. Танк оставил несчастную деревеньку в покое, смял заднюю оградку, выехал из Моосты...

Глава 15

Хороший наст кончился: теперь машина шла тяжело, натужно, то и дело проваливаясь в снег по самое брюхо. Но немецкая «Рысь» приспособлена бегать и не по такому бездорожью. Танкисты прекрасно знали возможности своего бронированного зверя и гнали его к цели кратчайшим путем.

За танком устремились мотоциклисты. Мощные 750-кубовые военные «Цундаппы» с колясками тоже создавались для передвижения в экстремальных условиях. Оба мотоцикла промчались по разгромленной деревеньки и, держась танковой колеи, быстро догнали «Рысь». Конное войско ливонцев тоже пришло в движение. Всадники разбили на два отряда и теперь обходили деревню с флангов, намереваясь взять противника в клещи. На дерзкого писаку с копьем начиналась настоящая облава. Пока – без стрельбы. Пока...

Бурцев не стал больше искушать судьбу: быстро перекатился обратно через спасительную снежную гряду, залег:

– Ну, ребятки, луки к бою. Скоро здесь будет жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.